

СИЛО

*Письма
моим
друзьям*

Это издание содержит полное собрание
Писем моим друзьям,
которые ранее были опубликованы отдельно.

© Silo 1994
@ Humanist Literary Trust

Перевод с испанского *Елены Передерни* и *Юрия Круглова*.

Редактор: *Юрий Круглов*.

Оформление обложки: *Рауль Гуланс* и *Карлос Мартин*.

Оригинал-макет: *Александр Волков*.

Первое издание на русском языке: март 1994'

Подписано в печать 16.2.94. Заказ 19. Тираж 1000 экз. УОП •ИЛА РАН.
113035 Москва & Ордынка, 21.

Ни одна из этих публикаций, включая оформление обложки, не может быть использована для печати, продана или воспроизведена *любым* способом, будь то электрический, химический, механический, оптический, запись или фотокопия, без разрешения автора.

Предисловие

Эти *Письма моим друзьям*, которые сегодня выходят отдельной книгой, опубликовывались ранее по мере их написания автором. Со времени опубликования первого письма, написанного 21 февраля 1991 года, до выхода в свет последнего, десятого, написанного 15 декабря 1993 года, прошло почти три года. За это время произошли важные глобальные изменения почти во всех областях жизни общества. Если скорость происходящих изменений будет продолжать возрастать, как это произошло за прошедший отрезок времени, то читателю предстоящих ближайших десятилетий трудно будет понять контекст мировых событий, который постоянно упоминается автором и, как следствие, он не сможет уяснить смысл многих идей, изложенных в этих письмах. Поэтому следовало бы рекомендовать возможным будущим читателям, чтобы они имели под рукой перечень событий, происшедших между 1991 и 1994 годами, чтобы они имели полное представление об экономическом и технологическом развитии этого времени, о жесточайшем голоде и конфликтах, о рекламе и моде. Было бы необходимым попросить их прослушать музыку, просмотреть материалы, относящиеся к архитектурным образам, городским пейзажам, миграции, образованию множества макрородов, разрушению экологии и к образу жизни этого любопытного исторического периода. Особенно следовало бы попросить их попытаться понять никчемность споров создателей общественного мнения: философов, социологов и психологов этого жестокого и бестолкового времени. Хотя в этих письмах речь идет о настоящем, несомненно то, что в них изложены взгляды, устремленные в будущее, и я полагаю, что только с этих позиций они могут быть приняты или отвергнуты.

В основе этой работы не лежит какой-либо единый план; это скорее изложение отдельных проблем, что позволяет читать эти письма, не придерживаясь какой-либо последовательности. Тем не менее, можно попытаться прибегнуть к следующей классификации: а) в трех первых письмах ударение делается на опыте жизни человека в условиях глобальной с каждым днем усложняющейся ситуации; б) в четвертом письме представлена общая структура идей, на которой базируются все письма; в) в следующих письмах изложены политико-социальные взгляды автора и г) в десятом письме очерчены направления действий, которые следует осуществлять в зависимости от развития мирового процесса.

Хочу выделить несколько тем, рассмотренных в работе, *Первое письмо*: обстановка, в которой нам доводится жить. Дезинтеграция институтов и кризис солидарности. Новые формы мироощущения и поведения, которые вырисовываются в сегодняшнем мире. Критерии действия. *Второе*: факторы изменений в сегодняшнем мире и позиции, которые обычно занимают в связи с этими изменениями. *Третье*: характеристики изменений и кризис, связанный с ближайшим окружением, в котором мы живем. *Четвертое*: обоснование взглядов, изложенных в письмах по наиболее важным вопросам жизни людей, их потребностей и основных планов. Естественный и социальный мир. Концентрация власти, насилие и государство. *Пятое*: свобода человека, намерение и действие. Этический смысл социальной практики и активной деятельности; их наиболее распространенные недостатки. *Шестое*: изложение комплекса идей Гуманизма. *Седьмое*: социальная революция. *Восьмое*: вооруженные силы. *Девятое*: права человека. *Десятое*: общее разрушение структур. Глобальное понимание применительно к минимальному конкретному действию.

Четвертое письмо, имеющее наибольшее значение в идеологическом обосновании всей работы, может быть дополнено чтением другой работы автора «*К вопросу о мышлении*» (в частности раздела, озаглавленного: «*исторические дискуссии*») и, конечно, лекцией «*Кризис*

цивилизации и Гуманизм» (прочитанной в Московской Академии Управления 18 июня 1992 года).

В шестом письме излагаются идеи современного Гуманизма. Спрессованное концептуальное наполнение этой работы напоминает о некоторых политических и культурных творениях, которые приводятся в качестве примеров в "манифестах" середины XIX и XX веков, например, в *Коммунистическом манифесте* и *Сюрреалистическом манифесте*. Использование слова "документ" вместо "манифест" объясняется осторожностью при выборе слов, чтобы дистанцироваться от натурализма, содержащегося в *Гуманистическом манифесте* 1933 года, на котором лежит печать влияния Девея, а также от социал-либерализма *Гуманистического манифеста II* 1974 года, подписанного Сахаровым и насквозь пропитанного идеями Ламона. И если наши взгляды совпадают с изложенным во втором манифесте в части, касающейся необходимости такого экономического и экологического планирования, которое не попирало бы личные свободы, то расхождения, касающиеся политических взглядов и концепции человека, носят радикальный характер. Это письмо, слишком короткое, чтобы в достаточной степени осветить все поднятые в нем вопросы, требует дополнительных пояснений. Автор признает вклад различных культур в развитие гуманизма, что отчетливо видно на примерах еврейского, арабского и восточного образа мышления. В этом смысле документ нельзя заточить в рамки "цицероновских" традиций, что часто происходило с западными гуманистами. В своем признании "исторического гуманизма", автор возвращается к темам, поднимавшимся в XII веке. Я имею в виду средневековых поэтов Гюго Орлеанского и Пьера Блуа, которые сложили знаменитую *Ин терра сумус* (*Кодекс Буранус* или кодекс Берна, известный под латинским названием *Кармина Бурана*). Сило не цитирует их непосредственно, а лишь использует их слова. Он пишет: "Существует великая всеобщая истина; деньги - это все; это правительство, это закон, это власть. Это основное средство существования. Но, кроме того, это Искусство, Философия. Религия. Ничего не делается без денег; ничего нельзя сделать без денег. Без денег нет личных отношений. Без денег нет интимных отношений, и даже спокойное одиночество зависит от денег". Как не признать, что слова "... и даже спокойное одиночество зависит от денег" созвучны с *Ин терра сумус*, где мы читаем: "... аббата поддерживают деньги в его келье узника". Или там же: "*Имеющих деньги почитают, принимают, а у кого нет денег, того не любят*"; здесь: "Без денег нет личных отношений. Без денег нет интимных отношений". Обобщение средневекового поэта: "*Деньги, и это точно, делают так, что глупый кажется красноречивым*" в письме выражено следующими словами: "Но, кроме того, это - Искусство, Философия и Религия". В отношении Религии в поэме говорится: "*Деньги все обожают, потому что они делают чудеса... заставляют слышать глухого и прыгать хромого*", и т.д. В упомянутой поэме, с которой, по мнению Сило, мы знакомы, в обобщенной форме, заложены идеи, позднее вдохновившие гуманистов XVI века, в частности Эразма и Рабле.

В письме, которое мы комментируем, изложен комплекс идей современного гуманизма, однако чтобы читатель имел более полное представление об этой теме, целесообразно процитировать здесь некоторые отрывки из лекции *«Современное видение Гуманизма»*, которую автор прочитал в Мадридском Автономном Университете 16 апреля 1993 года. "...слову «гуманизм» обычно придают два значения. Слово «гуманизм» произносят, когда хотят обозначить какую-либо тенденцию в течении мысли, которая утверждает ценность и достоинство человека. В этом смысле можно интерпретировать гуманизм всех наиболее разнообразных и контрастирующих направлений, Концепция гуманизма в ее узком смысле, но в увязке с точной исторической перспективой, используется чтобы обозначить процесс преобразований, который начался на рубеже XIV и XV веков и который в следующем веке под названием «Ренессанс» доминировал в интеллектуальной жизни Европы. Достаточно упомянуть Эразма, Джордано Бруно, Галилея, Николаса де Куса, Томаса Мора, Хуана Вивеса

и Буалье, чтобы понять степень разнообразия и широты исторического гуманизма. Его влияние ощущалось на протяжении всего XVII и большей части XVIII веков и вылилось в революции, которые открыли двери в современную эпоху. Это течение, казалось, медленно угасает, пока в середине этого века не возобновилось в форме дебатов мыслителей, поглощенных социальными и политическими вопросами.

"Фундаментальными аспектами исторического гуманизма примерно были следующие: 1. Реакция против образа жизни и ценностей Средневековья. Так, началось интенсивное признание других культур, в частности греко-римской, в искусстве, науке и философии. 2. Появление нового образа человека, высокая оценка его личности и его преобразующих действий. 3. Новое отношение к природе как среде обитания человека, а не как к субмиру, полному соблазнов и тягот. 4. Интерес к экспериментам и изучению окружающего мира как тенденция к поиску естественных объяснений без необходимости делать ссылки на сверхъестественное. Эти четыре аспекта исторического гуманизма объединены одной и той же целью: породить веру в человека и в его творческие способности и считать мир царством человека, царством, в котором он может править благодаря научным знаниям. С позиций этой новой перспективы говорится о необходимости построить новое видение мира и истории. Таким же образом, новая концепция гуманистического движения приводит к необходимости по-новому поставить вопрос о религии как в отношении ее догматических и литургических, так и организационных структур, которые, кстати, проникают в социальные структуры Средневековья. Гуманизм, соотнесенный с изменениями экономических и социальных сил эпохи, являет собой революционное течение все более сознательное и ориентированное на обсуждение установленного порядка. Однако Реформа, проводимая в немецком и англосаксонском мире, и Контрреформа, проводимая в латинском мире, пытаются затормозить продвижение новых идей и в авторитарном порядке возродить традиционное христианское видение мира. Кризис, охвативший церковь, переходит на государственные структуры. Наконец империя и монархия по божественному праву уничтожены благодаря революциям XVIII и XIX веков. Однако после французской революции и американских войн за независимость гуманизм практически исчез, тем не менее, продолжал существовать социальный фон идеалов и устремлений, который способствует экономическим, политическим и научным преобразованиям. Гуманизм отступил перед концепциями и практикой, которые господствовали до окончания эпохи колониализма, Второй мировой войны и разделения планеты на два лагеря. В этой обстановке вновь открываются дебаты о значении человека и природы, об аргументах в пользу экономических и политических структур, о направлении развития науки и техники и вообще о направлении развития исторического процесса. Философы-экзистенциалисты первые подают сигналы: Хайдеггер, чтобы дисквалифицировать гуманизм как *еще* одно метафизическое течение (в своем «*Письме о Гуманизме*»); Сартр, чтобы защитить его (в своей лекции «*Экзистенциализм - это Гуманизм*»); Люйпен, чтобы уточнить теоретический тезис (в работе «*Феноменология - это Гуманизм*»). Кроме того, Альтюссер, чтобы занять антигуманистическую позицию (в работе «*Pour Marx*») и Маритен, чтобы утвердиться в своем антитезисе с позиций Христианства (в «*Интегральном Гуманизме*») прилагают определенные усилия, достойные похвалы.

"После этого долгого пройденного пути и последних дискуссий в области идей стало ясно, что Гуманизм должен определить свою нынешнюю позицию не только в отношении теоретической концепции, но и в отношении деятельности и социальной практики. Вопрос о гуманизме должен сейчас ставиться в увязке с условиями, в которых живет человек. Эти условия не являются абстрактными.

Поэтому незаконно утверждать, что в основе Гуманизма лежит теория о природе или теория об истории или вера в бога. Условия жизни человека таковы, что неизбежно непосредственное соприкосновение с болью и необходимостью преодолеть ее. Эти условия,

общие для стольких видов живых существ, связаны для человека еще и с необходимостью заранее предвидеть, каким образом преодолеть боль и получить удовлетворение. Его предвидение будущего основывается на прошлом опыте и на намерении улучшить свое нынешнее положение. Плоды его труда, аккумулированные в социальном продукте, видоизменяются и передаются от поколения к поколению в процессе постоянной борьбы за улучшение естественных и социальных условий, в которых он живет. Поэтому *Гуманизм определяет человека как историческое существо, чей способ общественных действий способен изменить мир и его собственную природу. Этот тезис имеет важнейшее значение, так как приняв его, уже нельзя будет отстаивать естественное право, естественную собственность, естественные институты или, наконец, тип человека будущего, представляя его таким, каким он является сейчас, как если бы он был определен раз и навсегда.* Старая тема о связи человека с природой вновь становится важной. Вернувшись к этой теме, мы сталкиваемся с весьма парадоксальной ситуацией, в которой человек предстает лишенным фактора постоянства и природы, но в то же время мы отмечаем у него одну константу: его историчность. Поэтому, если сделать терминологическую натяжку, можно сказать, что *природа человека - это его история, его общественная история.* Следовательно, каждый рождающийся человек является не первым экземпляром, наделенным генами, чтобы соответствовать своей среде, а историческим существом, которое приобретает личный опыт в общественном пейзаже, в человеческом пейзаже.

Так вот, в этом социальном мире общее намерение преодолеть боль отрицается намерением других людей. Мы говорим, что некоторые люди натурализуют других, отрицая их намерения и превращая их в предметы пользования. Трагическая зависимость человека от физических естественных условий побуждает социальный труд и науку к тому, чтобы были предприняты новые усилия для улучшения этих условий, но трагическая зависимость от социальных условий неравенства и несправедливости заставляет человека восставать против этого положения, при котором имеет место не игра слепых сил, а игра намерениями других людей. Эти намерения людей, дискриминирующие тех и других, оспариваются в сфере, которая весьма отличается от сферы естественной трагедии, лишенной намерений. Поэтому при всякой дискриминации прилагаются чудовищные усилия, чтобы доказать, что различия между людьми объясняются природными факторами, будь то физические или социальные, и что эти различия устанавливаются в результате игры сил, а намерения не имеют никакого значения. Будут говорить о расовых, сексуальных и экономических различиях, обосновывая их наличием генетических или рыночных законов, однако в любом случае это будет искажение фактов, фальшь и нечестивость. ***Две основные вышеизложенные мысли – первая, о том, что человек живет в условиях, когда он испытывает боль и стремится преодолеть ее, и вторая, о том, что человек является историческим и социальным существом - для гуманистов сегодняшнего дня являются центральными вопросами всей проблемы.***

В Основном Документе Гуманистического Движения говорится, что необходимо от предыстории переходить к истинной истории человечества, когда будет покончено с насильственным животным завладением одних людей другими. Между тем, нельзя считать основной ценностью не человека с его свершениями и свободой, а какую-либо другую ценность. Лозунг «Ничего выше человека, и ни один человек не может быть ниже другого» кратко выражает эту мысль. Если за основную ценность принять бога, государство, деньги или что-либо другое, человек отодвигается на второй план, и создаются условия, чтобы затем над ним установить контроль и жертвовать им. Для нас, гуманистов, этот вопрос ясен. Мы, гуманисты (атеисты или верующие), не отталкиваемся от атеизма или от веры, чтобы обосновать наше видение мира и наши действия; исходной позицией для нас является человек и его непосредственные потребности. Мы, гуманисты, ставим основной вопрос так: знать, хотим ли мы жить, и решить, в каких условиях жить. Гуманисты отвергают все формы насилия; физическое, экономическое, расовое, религиозное, сексуальное и идеологическое,

которое замедляет развитие человеческого общества. Гуманисты выступают против всех открытых и скрытых форм дискриминации.

"Здесь проходит разделительная линия между Гуманизмом и антигуманизмом. Гуманизм выдвигает на передний план вопрос труда в противовес крупному капиталу; вопрос реальной демократии в противовес демократии формальной; вопрос децентрализации в противовес централизации; вопрос антидискриминации в противовес дискриминации; вопрос свободы в противовес угнетению; вопрос смысла жизни в противовес безропотному подчинению, пособничеству и абсурду. Поскольку Гуманизм верит в свободу выбора, он обладает ценной этикой; поскольку Гуманизм верит в намерения, он видит разницу между ошибкой и нечестностью. Таким образом, мы, гуманисты, определяем наши позиции. Мы считаем, что начинаем действовать не на пустом месте, а являемся наследниками плодов долгого процесса и коллективных усилий. Мы связываем свою судьбу с настоящим и готовы к длительной борьбе за будущее. Мы выступаем за разнообразие форм в открытой оппозиции к до сих пор существующей системе установления власти, навязываемой и поддерживаемой с помощью утверждений о том, что разнообразие форм способствует диалектике элементов системы, и таким образом признание этого разнообразия открывает путь центробежным и дезинтеграционным силам. Мы, гуманисты, придерживаемся противоположной точки зрения и подчеркиваем, что именно сейчас подавление разнообразия форм может привести к взрыву застывших структур. Поэтому мы **делаем ударение на конвергентном направлении, на конвергентном намерении и выступаем против идеи и практики ликвидации предполагаемых диалектических условий в каком-то определенном объединении людей**".
Здесь кончается цитата из лекции Сило.

Десятое, и последнее письмо, устанавливает границы разрушения структур и среди многих других возможных выделяет три области, в которых этот феномен приобретает особое значение; это политика, религия и поколения. В нем содержится предупреждение об опасности возрождения неоиррационализма, появления на сцене фашистов, сторонников авторитаризма и насильников. Чтобы проиллюстрировать тему глобального понимания и осуществления действия в минимальном пункте "ближайшего окружения", автор делает этот феноменальный масштабный скачок, и мы встречаемся с "соседом", товарищем по работе, другом... Совершенно ясно, что любой активист должен расстаться с мечтами о суперструктурной политической власти, поскольку этой власти нанесена смертельная рана руками распадающихся структур. Для будущего президент, премьер-министр, сенатор, депутат не представляют никакой ценности. Политические партии, профессиональные и профсоюзные организации будут постепенно отдаляться от своих людских баз. Государство претерпит тысячу изменений, и только крупные корпорации и международный финансовый капитал будут продолжать концентрировать в своих руках власть над миром до тех пор, пока не разразится коллапс Парагосударства, Чего могут стоить активисты, которые попытаются занять места в пустой скорлупе формальной демократии? Совершенно определенно: действие должно осуществляться в минимальном ближайшем окружении, и только с этих позиций на основе конкретного конфликта должно строиться здание реальной представительности. Но проблемы существования социальной базы не предстают исключительно в виде экономических и политических трудностей; поэтому какая-либо партия, которая будет стремиться к воплощению своего гуманистического идеала и которая на практике будет занимать места в парламенте, будет играть институционную роль, но она не сможет ответить на вопрос, как удовлетворить потребности людей. Новая власть будет строиться на социальной базе, на базе широкого, децентрализованного и федеративного Движения. Каждый активист должен задавать вопрос не "Кто будет премьер-министром или депутатом", а скорее: "Как создать наши центры прямого общения, наши сети советов по месту жительства; как добиться участия всех минимальных базовых организаций, связанных с

работой, спортом, искусством, культурой и народной религиозностью". Это Движение надо рассматривать не с позиций формальной политики, а с позиции конвергентного разнообразия форм. Также не следует думать, что расширение Движения возможно на стандартных путях постоянного завоевания пространства и социальных пластов. Надо ставить вопрос о применении метода "демонстративного эффекта", типичного для взаимосвязанного мирового сообщества, способного воспроизвести и применить успешную модель в отдаленных и отличающихся друг от друга коллективах. В этом последнем письме в общих чертах намечены тип минимальной организации и стратегия действий в зависимости от развития нынешней ситуации.

Я остановился лишь на четвертом, шестом, и десятом письмах. Считаю, что в отличие от других писем они нуждались в некоторых рекомендациях, цитатах и дополнительных комментариях.

Х. Валинский

Первое письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

Уже длительное время я получаю из разных стран письма, в которых меня просят пояснить или шире осветить вопросы, затронутые в моих работах. Как правило, просят разъяснений, касающихся таких конкретных проблем, как насилие, политика, экономика, экология, общественные и межличностные отношения. Как мы видим, вопросов много и они разные. Конечно, надо быть специалистом в этих областях, чтобы дать ответ. Разумеется, я таким специалистом не являюсь.

Насколько возможно, я постараюсь не повторять написанного и в нескольких словах обрисовать общую ситуацию, в которой мы живем, а также проявляющиеся тенденции ближайшего будущего. В другое время для подобного анализа я избрал бы в качестве ориентира понятие "болезненное состояние культуры", но сегодня, однако, мы поговорим о быстрых изменениях, происходящих в экономике, в обычаях, идеологии, религии и попробуем проанализировать процесс дезориентации, которая, как нам кажется, охватила отдельных людей и целые народы.

Прежде чем приступить к изложению темы, я хотел бы сделать два предварительных замечания: одно, касающееся мира, которого уже нет, и который рассматривается здесь с некоторой ностальгией. Другое, касается изложения проблемы, в которой, как может показаться, полностью отсутствуют оттенки, и все сводится к примитивной постановке вопроса. Хотя те, кого мы критикуем, в действительности не формулируют ее таким образом. Мы верим в эволюцию человечества и не боимся перемен: скорее, наоборот, мы хотим, чтобы события развивались быстрее и стараемся лучше приспособиться к новым условиям. В отношении манеры изложения аргументации защитников "нового порядка" могу сказать следующее: когда я говорю о них, во мне все еще звучат аккорды поэтического вымысла совершенно разных направлений: «1984» Оруэлла и «Счастливый мир» Хаксли. Эти великолепные авторы изобразили мир будущего, в котором человек через насилие или путем убеждения оказывался поработанным и становился роботом.. Думаю, что оба автора в своих повестях приписывали слишком много ума "отрицательным" персонажам и излишнюю глупость "положительным", может быть, из-за глубинного пессимизма, который не стоит сейчас обсуждать. Сегодня "отрицательные" персонажи - это люди с большими амбициями и множеством проблем. Однако они абсолютно некомпетентны в области исторических процессов, которые, как совершенно очевидно, не подчиняются их воле и которые они не в состоянии планировать. Вообще речь идет о малообразованных людях и находящихся у них в услужении специалистах, которые обладают ограниченными и явно недостаточными возможностями. Я прошу не подходить слишком серьезно к некоторым разделам, где мы как бы иронизируем, вкладывая в уста "отрицательных" персонажей слова, которых они не произносят, хотя их намерения имеют эту направленность. Считаю необходимым рассматривать эти вещи без всякой помпезности (которая присуща уходящей эпохе) и, наоборот, подходить к ним с юмором и шутливым настроением, характерными для писем, которыми обмениваются хорошие друзья.

1. Нынешняя ситуация

На протяжении всей своей истории человечество пытается сделать жизнь лучше. В настоящее время, несмотря на имеющиеся достижения, экономический и научно-технический потенциал используется во многих районах мира для того, чтобы угнетать и убивать людей, способствовать их обнищанию; более того, новые поколения лишаются будущего, и нарушается общее равновесие жизни на планете. Основная часть богатств земного шара принадлежит небольшому проценту населения, в то время как большинство терпит серьезные

лишения. На Земле есть места, где работы хватает на всех и она хорошо оплачивается, но есть и другие места, где ситуация катастрофическая. Во всех частях земного шара наиболее обездоленные слои населения вынуждены терпеть невероятные тяготы, чтобы не умереть с голоду. Но сегодня любой человек, уже хотя бы потому, что он родился в обществе, должен быть, как минимум, обеспечен соответствующим питанием, жильем, образованием, одеждой, различными услугами... А по достижении определенного возраста ему необходимо обеспечить нормальное существование в течение оставшегося периода жизни. С полным правом люди хотят иметь все это для себя и для своих детей, надеясь, что дети будут жить лучше. Но, тем не менее, эти желания миллиардов людей в наш прогрессивный век не удовлетворяются.

2. Альтернатива лучшего мира

В попытке смягчить остроту перечисленных проблем неоднократно проводились разнообразные экономические эксперименты, которые давали весьма несходные результаты. В настоящее время наблюдается стремление к использованию системы рыночной экономики, законы которой, как полагают, будут автоматически регулировать социальный прогресс, преодолевая катастрофические неудачи командной экономики. Согласно новой схеме, войны, насилие, угнетение, неравенство, нищета и невежество исчезнут постепенно, без внезапных скачков. Экономики отдельных стран вольются в системы региональных рынков и даже образуют единое мировое сообщество без каких-либо границ. И поскольку уровень жизни наиболее обездоленных слоев населения экономически развитых регионов начнет повышаться, делается вывод, что влияние прогресса распространится на менее развитые регионы. Большая часть населения приспособится к этой новой системе, которую претворят в жизнь талантливые специалисты и деловые люди. А если вдруг что-то не сработает в новой системе, то это произойдет не по вине естественных механизмов этой системы, а из-за ошибок специалистов, которых, как это практикуется на предприятиях, следует менять всякий раз, когда это будет необходимо. Кроме того, в этом "свободном" сообществе все будет решаться народом. Он будет демократическим путем делать свой выбор в рамках этой системы.

3. Социальная эволюция

Учитывая нынешнюю ситуацию и имеющуюся альтернативу достижения лучшей жизни, стоит немного поразмыслить над этой возможностью. В самом деле, были проделаны многочисленные экономические опыты, которые дали весьма несхожие результаты. В связи с этим нам говорят, что новый эксперимент - это единственное решение главных проблем. Однако некоторые аспекты такой постановки вопроса остаются неясными. В первую очередь - это экономические законы. Нам говорят, что существуют некие механизмы (подобные природным), свободное действие которых приводит к регулированию процесса социальной эволюции. Трудно согласиться с тем, что любой социальный процесс, и, конечно, процесс экономический, аналогичен природному явлению. Мы убеждены в обратном: действия человека нельзя считать природными явлениями; они носят целенаправленный, социально-исторический характер, чего нет ни в природе вообще, ни в животном мире. Коль скоро речь зашла о целенаправленности и интересах, у нас нет основания считать, что меньшинство, которое присвоило основные блага, вдруг начнет заботиться о том, чтобы помочь тем, кто обеспечен в меньшей степени. Во-вторых, нам кажется неубедительным утверждение, что, несмотря на постоянно существующее экономическое различие между незначительным меньшинством и подавляющим большинством, общество, тем не менее, поступательно развивалось. История учит, что народы лишь тогда продвигаются вперед в своем развитии,

когда отстаивают свои права перед официальной властью. Социальный прогресс возможен вовсе не потому, что богатства, накопленные каким-то одним слоем общества, потом выплескиваются автоматически "вниз". В-третьих, не стоит представлять в качестве модели отдельные страны, которые, оперируя так называемой свободной экономикой, сегодня имеют высокий уровень жизни. Именно эти страны вели захватнические войны, навязывали колониализм и неоколониализм, делили между собой страны и регионы, выкачивали деньги путем дискриминации и насилия и, наконец, использовали дешевую рабочую силу и в то же время навязывали странам с наиболее слабой экономикой невыгодную для них форму обмена. Можно доказать, что такую политику следует понимать как способ организации и ведения "выгодного бизнеса"; но если так, то нельзя утверждать, что достигнутый уровень развития не зависит от специфических отношений с другими народами. В-четвертых, нам говорят о научно-техническом прогрессе и об инициативе, которая развивается в условиях "свободной" экономики. Что касается научно-технического прогресса, то следовало бы знать, что он начался с того момента, когда человек изобрел дубинку, рычаг, огонь и т.п. Эти открытия на протяжении истории накапливались, и, кажется, на них не очень влияли законы рынка. Если же нам скажут, что процветающие экономики притягивают таланты, что они оплачивают оборудование и исследования и что, наконец, способны предложить более высокую оплату за труд, то мы ответим следующим образом: так делается на протяжении тысячелетий, но не потому, что появляется какой-то особый тип экономики, а просто потому, что в определенном районе имеется достаточно ресурсов, которые не зависят от происхождения данного экономического потенциала. В-пятых, часто объясняют прогресс этих сообществ их неосознанным природным "даром", особыми талантами, гражданской доблестью, трудолюбием, организованностью и прочими подобными вещами. Такие объяснения являются не аргументом, а благочестивым заявлением, искажающим социально-историческую реальность, которая дает объяснение процессу формирования наций.

Нам непонятно, как, учитывая подобный исторический опыт, эта система будет поддерживаться в ближайшем будущем. Но это уже другой вопрос - вопрос о том, существует ли реально эта свободная рыночная экономика или же речь идет о скрытом протекционизме и командной системе, которые умеют открывать одни клапаны там, где чувствуют себя в силах справиться с ситуацией, и закрывают другие - там, где этого не происходит. В таком случае любой прогресс сведется лишь к бурному развитию и распространению науки и техники, независимо от якобы автоматически действующих экономических законов.

4. Будущие эксперименты

Как это происходило до настоящего времени, в случае необходимости действующая система будет заменяться другой, которая будет "исправлять" дефекты предыдущей модели. Таким образом, постепенно, шаг за шагом, богатства будут концентрироваться в руках все более влиятельного меньшинства. Не подлежит сомнению, что процесс эволюции не остановится, как не исчезнет и законное стремление людей к лучшей жизни. Вскоре рассеются последние наивные представления о том, что придет конец идеологиям, войнам, экономическим кризисам и социальным взрывам. Конечно, как сами конфликты, так и пути их разрешения приобретут всемирный характер, потому что на Земле не останется не связанных между собой точек. Можно также с уверенностью сказать, что не сохранятся ни схемы, на которых строятся институты власти, ни формулы борьбы, которые были действительны до сих пор.

5. Перемены в мире и отношения между людьми

Регионализация рынков, а также стремление этнических групп и местных территориальных образований добиться возвращения их специфических прав способствуют распаду национального государства. Демографический взрыв в бедных регионах привел к тому, что уровень миграций выходит из-под контроля. Большая сельская семья распадается, выталкивая молодежь в перенаселенные города. Городская индустриальная и постиндустриальная семья сокращается до минимума, в то время как макророда поглощают контингенты людей, формировавшихся в других культурных пейзажах. Экономические кризисы и переход от одной экономической модели к другой приводят к тому, что дискриминация дает о себе знать с новой силой. Между тем из-за непрерывного ускорения технологических процессов и массового производства товаров любое изделие устаревает, прежде чем доходит до потребителя. Практика замены одних предметов другими распространяется и на отношения между людьми: они становятся очень нестабильными. Былая солидарность, которая пришла на смену так называемому "братству", потеряла смысл. Товарищи по работе, учебе, спорту, прежние друзья превращаются в соперников. В семье ведется борьба за лидерство, с момента ее создания подсчитывается доля прибыли каждого в случае, когда супруги будут жить вместе и когда разойдутся. Никогда раньше не были столь развиты связывающие мир средства коммуникации, но, тем не менее, с каждым днем люди чувствуют себя все более разобщенными. Никогда раньше не были так густо заселены городские центры, тем не менее, люди говорят об "одиночестве". Никогда люди так не нуждались в человеческом тепле, однако любая попытка приблизиться к человеку, помочь ему вызывает в нем настороженность и сомнение в доброжелательстве окружающих. Вот до чего довели бедного человека: несчастного хотят заставить поверить, что ему есть что терять (причем нечто важное), и что на это эфемерное "нечто" посягает остальное человечество. Конечно, в таких условиях ему можно рассказывать эти сказки, делая вид, что речь идет о сущей правде.

б. Сказочка для тех, кто стремится стать руководителем

"Общество, которое формируется сейчас, рано или поздно приведет нас к изобилию. Помимо значительных объективных материальных благ человечество достигнет субъективного духовного освобождения. Традиционная солидарность, свойственная бедноте, не будет нужна. Уже многие согласны с тем, что деньги или их эквивалент смогут решить почти все проблемы; поэтому все усилия, мысли и мечты должны быть направлены на их достижение. Располагая деньгами, можно будет покупать хорошую еду, хорошее жилье, поездки, развлечения, технологические игрушки и людей, которые будут делать все, что захотите. Будет эффективная любовь, эффективное искусство и эффективные психологи, которые уладят все индивидуальные проблемы, если таковые еще останутся, а в дальнейшем все проблемы будут решены посредством химического воздействия на мозг и генной инженерии.

В этом обществе изобилия уменьшится количество самоубийц, наркоманов, алкоголиков. Граждане обретут уверенность, а преступников станет совсем мало, как это уже сейчас происходит в наиболее развитых в экономическом отношении странах (?). Исчезнет также дискриминация, и станут более тесными контакты между людьми. Никто не будет страдать, думая о смысле жизни, одиночестве, болезни, старости и смерти, потому что соответствующая подготовка и терапевтическая помощь помогут блокировать эти несовершенные рефлекссы, которые так мешали развитию общества раньше. Все будут доверять друг другу, потому что на смену соперничеству на работе, в учебе и в семье придут зрелые отношения.

В конце концов, исчезнут идеологии, и их больше не будут использовать для того, чтобы промывать людям мозги. Естественно, никто не будет запрещать протестовать или высказываться против чего-либо несущественного при условии оплаты через соответствующий канал. Не путая свободу с распущенностью, граждане будут собираться в небольшие группы (небольшие по санитарным соображениям) и смогут высказываться в открытых местах (если только это не будет беспокоить резкими шумом или рекламой "муниципию" или как она будет впоследствии называться).

Но самое удивительное произойдет тогда, когда отомрет надобность в полицейском контроле и каждый гражданин будет активным членом общества. Он будет оберегать людей ото лжи, которую попытается распространить какой-либо идеологический террорист. Эти защитники будут иметь такую высокую социальную ответственность, что поспешат предстать перед средствами массовой информации, где тотчас будут радушно приняты. Они выступят с обращением к населению, напишут блестящие доклады, которые будут немедленно опубликованы, и организуют форумы, на которых высококультурные люди, формирующие общественное мнение, просветят оставшихся заблудших - жертв темных сил экономического администрирования, авторитаризма, антидемократии и религиозного фанатизма. Не нужно будет даже преследовать нарушителей, т.к. при эффективной системе информирования никто не захочет приблизиться к ним, чтобы не заразиться. В крайнем случае, их эффективно "распрограммируют", и они публично выразят свою благодарность за то, что их перевоспитали и помогли осознать преимущества, которые дает им свобода. Теми усердными защитниками, если они не направлены специально выполнять эту важную миссию, будут обыкновенные люди, их имена станут известны обществу, будут признаны их моральные качества, и, естественно, они получат заслуженное вознаграждение за свой труд.

Компания превратится в единую семью, которая будет способствовать образованию, укреплению отношений и организации отдыха. Робототехника заменит ручной труд, и работать на Компанию можно будет не выходя из дома; будет достигнута полная реализация личности.

Таким образом, общество не будет нуждаться ни в какой другой организации, которая не была бы частью Компании. Человек, который так долго боролся за свое благосостояние, наконец-то поднимется к небесам. Перелетая с планеты на планету, он, наверное, найдет счастье. Он обоснуется там и станет привлекательным, способным вести конкурентную борьбу, удачливым и прагматичным (прежде всего прагматичным) молодым человеком... руководителем Компании!"

7. Изменения в людях

Окружающий нас мир меняется с головокружительной быстротой, и многое, во что мы раньше слепо верили, теряет свое значение. Это столь быстрое изменение мира порождает нестабильность и дезориентацию в любом обществе, независимо от того, бедное оно или богатое. В изменившихся условиях руководители старого образца и работающие на них структуры по формированию общественного мнения, как и старые борцы за социальные и политические права перестают быть авторитетами для людей. Приходят новые времена, и рождается новое восприятие мира, который предстает как некая целостность; а это означает, что трудности, испытываемые людьми, живущими в том или ином месте, рано или поздно затронут других, даже если их разделяют большие расстояния. Средства сообщения, товарообмен и возможность быстрых перемещений огромных масс людей - все это говорит о том, что идет процесс растущего единства мира. Понимание глобальности многих проблем приводит к возникновению новых критериев действия. Усилия людей, заинтересованных в том, чтобы мир стал лучше, будут эффективными лишь в том случае, если они начнут

действовать в своем непосредственном окружении, и где они имеют какое-то влияние. В отличие от прежних эпох, когда внешнее признание достигалось с помощью трескучих фраз, сегодня ценится скромная осмысленная работа, посредством которой человек пытается не возвеличить собственную персону, а измениться самому и помочь сделать это своему непосредственному окружению: в семье, на работе, во взаимоотношениях с другими людьми. Те, кто действительно любит людей, без лишнего шума берутся за выполнение этой задачи. В то же время ее не поймет оппортунист, сформировавшийся в старом пейзаже лидеров и безликой человеческой массы, пейзаже, который научил его использовать других, для того чтобы подняться на вершину социальной лестницы. Когда человек осознает, что шизофренический индивидуализм не имеет выхода, и начнет открыто общаться со своими знакомыми, делясь с ними своими мыслями и планами без смехотворного страха оказаться непонятым; когда он приблизится к людям; когда он заинтересуется каждым в отдельности, а не аморфной массой; когда он будет способствовать обмену идеями и реализации совместных планов; когда он ясно заговорит о необходимости приумножить усилия для восстановления разрушенной "социальной ткани"; когда он почувствует, что самый "незначительный" человек обладает более высокими человеческими качествами, чем любой из тех бессердечных людей, кто находится на вершине конъюнктурной лестницы... Когда произойдет все это, то это будет означать, что в душе человека вновь заговорило его Предназначение, то самое Предназначение, которое продвигало человечество по пути эволюционного развития в лучшие периоды этого пути, то самое Предназначение, которое столь часто искажалось и предавалось забвению, но всегда вновь обреталось на крутых поворотах истории. Вырисовываются контуры не только нового ощущения мира и способа действия, но и новой моральной позиции и новой тактики поведения в жизни. Если мне потребовалось бы уточнить сказанное выше, я сказал бы, что люди (хотя это и повторяется на протяжении трех тысячелетий) сегодня как никогда ощущают необходимость и моральную готовность относиться к другим так, как они хотели бы, чтобы относились к ним. Я еще добавил бы, что в поведении людей ныне прослеживаются некоторые общие тенденции: 1. Стремление к своему рода пропорциональности: определив круг жизненно важных вопросов, человек стремится к тому, чтобы решать их комплексно, избегая слишком сильного отставания при решении одних вопросов и забегания вперед при решении других. 2. Возрастающая адаптация, которая проявляется в стремлении действовать в направлении эволюции (не просто из конъюнктурного интереса) и не поддерживать никакие формы инволюции человечества. 3. Своевременность действий: отступать перед превосходящей силой (но не перед любыми препятствиями) и продвигаться вперед, когда она ослабевает. 4. Целостность: активизировать те действия, которые дают ощущение единства и согласия с самим собой, и отвергать те, которые вызывают противоречия и нарушают единство мыслей, чувств и действий. Я не думаю, что следует объяснять, почему я утверждаю, что сейчас "ощущается необходимость и моральная готовность людей относиться к другим так, как они хотели бы, чтобы относились к ним"; хотя и имеются возражения, обосновывающиеся тем, что сейчас себя не ведут подобным образом. Нет надобности также, как мне кажется, объяснять, что я понимаю под "эволюцией" или под "возрастающей адаптацией", а не под постоянной адаптацией. Что касается параметров отступления или наступления перед лицом превосходящих или ослабевающих сил, то мы, безусловно, должны учитывать соответствующие показатели, о которых я не упоминал. И, наконец, мы видим много трудностей, связанных с наращиванием совместных действий в условиях ежедневных конфликтных ситуаций, в которых нам приходится жить; трудно также просто игнорировать существующие противоречия. Все это так, но если Вы просмотрите то, о чем я говорил выше, то увидите, что я затронул все эти моменты в контексте с новым образом поведения, к

которому сейчас начинают стремиться и который очень не похож на те модели поведения, которые существовали раньше.

Я попытался кратко изложить некоторые специфические характеристики нового ощущения мира, новой формы межличностных отношений и новой модели поведения людей, что, как мне кажется, выходит за рамки простой критики сложившейся ситуации. Мы знаем, что критика необходима, но еще более необходимо делать нечто, отличающееся от того, что мы критикуем.

Примите мой искренний привет.

Сило
21 февраля 1991 г.

Второе письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

В предыдущем письме я коснулся той ситуации, в которой нам приходится сейчас жить, а также определенных тенденций, вырисовывающихся в ходе событий. Я воспользовался случаем, чтобы обсудить несколько тезисов, выдвигаемых защитниками рыночной экономики в качестве обязательных условий достижения социального прогресса. Я также подчеркнул, что в настоящий момент нарастает кризис идеи солидарности и общечеловеческих ценностей. И, наконец, я набросал некоторые позитивные черты, проявляющиеся в том, что я назвал "новым восприятием мира, новой моральной позицией и новой тактикой поведения в жизни".

Некоторые из моих корреспондентов выразили несогласие с тоном письма, ибо, как им показалось, в нем содержалось много вещей слишком серьезных для того, чтобы позволить себе иронию. Но не будем драматизировать! Система аргументации защитников неолиберализма, рыночной экономики и Нового Мирового Порядка настолько несостоятельна, что не нужно усложнять вещи. Я хочу сказать, что эта идеология уже давно омертвела в своей основе, и что скоро на поверхность выйдет кризис практики, и его сущность, наконец, поймут те, кто путает содержание феномена с его проявлениями, внутреннюю суть с внешней оболочкой, процесс с конъюнктурой. Точно так же, как идеологии фашизма и социализма скончались задолго до того, как наступил крах этих систем, распад нынешней системы лишь позднее поразит благомыслящих людей. Разве это не забавно? Это все равно, что много раз подряд смотреть плохой фильм, и после многих повторений начинаешь рассматривать штукатурку на стенах, актерский грим и трюковые эффекты, между тем как сидящая рядом женщина вся находится во власти эмоций и то, что она видит в первый раз, для нее сама правда жизни. В общем, в свое оправдание хочу сказать, что я иронизирую не по поводу той страшной трагедии, которую несет с собой навязывание этих систем, но над их чудовищной претенциозностью и грядущим гротескным концом, концом свидетелями которого мы неоднократно были раньше.

Я также получил письма, в которых меня просят уточнить, как следует себя вести перед лицом нынешних перемен. В этом плане, думаю, что стоит сначала попытаться понять, какие позиции занимают различные группы людей и отдельные личности, а уже потом давать какие-либо советы. Словом, я ограничусь тем, что изложу наиболее распространенные мнения, присовокупив мое собственное, по наиболее интересным, с моей точки зрения, вопросам.

1. Некоторые мнения относительно нынешних перемен

В ходе постепенного продвижения человечества по пути прогресса шло накопление различных факторов вплоть до настоящего момента, когда скорость технологических и экономических изменений перестала совпадать со скоростью перемен в общественных структурах и в поведении людей. Этот разрыв увеличивается и порождает нарастающий кризис. К этой проблеме подходят с разных точек зрения. Одни полагают, что этот разрыв исчезнет автоматически, поэтому лучше не пытаться направлять сам процесс, которым, к тому же, невозможно управлять. Таков тезис механистического оптимизма. Другие считают, что дело идет к неизбежному взрыву. Это - механистические пессимисты. Появляются и такие идейные течения, которые с позиций морали пытаются обосновать необходимость торможения перемен и, насколько это возможно, возврата к былым живительным источникам. Они представляют позиции антиисторизма. Поднимают свои голоса и современные циники,

стоики и эпикурейцы. Одни отказывают данному феномену в значимости и считают бессмысленным любое действие, другие полностью принимают происходящее, даже если дела идут плохо. Наконец, третьи пытаются извлечь выгоду из сложившейся ситуации, сосредоточившись лишь на достижении гипотетического благосостояния и в целом не заглядывая вперед дальше, чем на поколение. Так же, как это было на финальных фазах прошлых цивилизаций, многие люди делают выбор в пользу спасения в одиночку, полагая, что нет ни смысла, ни возможности сообща успешно осуществить какое бы то ни было дело. Нередко объединение людей становится предметом спекуляции в целях достижения личной выгоды. Так, лидеры деловых кругов, деятели культуры и политики, для того чтобы создать и улучшить свой имидж, убеждают нас в том, что они радуют об общей пользе. Однако подобная тактика имеет свои слабые стороны, поскольку все знают эти трюки, и никто никому не верит. Былые религиозные, патриотические, культурные, политические и корпоративные ценности отступают перед силой денег в той сфере, где идеи солидарности, а значит и коллективного противодействия подобной схеме, со временем вымываются, и социальная ткань постепенно разрушается. Затем наступит другой этап, на котором доведенный до крайности индивидуализм будет преодолен... но эту тему мы рассмотрим позднее. Находясь в плену пейзажа, в котором мы сформировались, и, будучи уверенными, что наступит новый кризис, мы еще не в силах осознать, что приближается новый исторический момент. Сейчас, обладая лишь частицей власти или абсолютно завися от власти других, все мы заражены индивидуализмом, и более преуспевает тот, кто лучше вписался в систему.

2. Индивидуализм, социальное расслоение и концентрация власти в руках меньшинства.

Однако индивидуализм непременно приводит к борьбе за верховенство силы и к охоте за успехом любой ценой. Начинается это с того, что представители меньшинства при общении между собой соблюдают правила игры, в то время как большинство пребывает в покорности. Этот этап в любом случае кончится борьбой "всех против всех", ибо рано или поздно баланс сил изменится в пользу самых сильных, а остальные при поддержке друг друга и иных группировок, кончат тем, что разрушат столь хрупкую систему. Но властвующее меньшинство менялось вместе с экономическим и технологическим прогрессом, доводя свои методы до такого совершенства, что кое-где в условиях товарного изобилия широкие массы переносят свое недовольство на второстепенные аспекты жизни. Нам внушают мысль, что при глобальном росте уровня жизни попираемые массы удовлетворятся надеждами на лучшее будущее, поскольку не похоже, чтобы они, выступая против отдельных аспектов, ставили под сомнение саму систему. Все это означает важный сдвиг в поведении общества. И если это так, то борьба за перемены будет значительно ослаблена, и старые политические и социальные силы окажутся не в состоянии выдвигать инициативы; процесс группового и межличностного расслоения будет усиливаться, а разобщение людей будет в какой-то степени компенсировано сконцентрированными в одних руках структурами по производству благ и по организации развлечений. В этом парадоксальном мире дело кончится распадом любого рода централизации и бюрократизма, разрывом с прежними управленческими структурами. Однако подмеченный распад, децентрализация, либерализация рынков и деятельности создадут наиболее подходящую среду для того, чтобы расцвела невиданная доселе концентрация, поскольку международный финансовый капитал все больше будет поглощаться банковской системой, постоянно наращивающей свою мощь. Аналогичный парадокс выпадает и на долю политиков, которые вынуждены провозглашать новые ценности, подрывающие власть государства, в связи с чем и их главенствующая роль с каждым разом

все больше будет компрометироваться. Ведь неспроста уже некоторое время слова типа "правительство" заменяются на "администрацию", тем самым публике (но не "народу") дают понять, что страна есть единое предприятие.

С другой стороны, до того как консолидируется всемирная имперская власть, могут иметь место региональные конфликты, как это в свое время происходило между отдельными странами. Конфронтации могут носить экономический характер или перерасти в военные действия в ограниченных регионах мира; их следствием могут стать массовые стихийные выступления, падут правительства, и дело дойдет до распада целых государств и регионов. Однако все это никоим образом не отразится на процессе концентрации, о наличии которого свидетельствует данный исторический момент. Местный патриотизм, межэтническая борьба, миграционные процессы и переживаемые кризисы не изменят общей картины концентрации власти. И когда экономический спад и безработица обрушатся и на население богатых стран, этап либерализма останется позади и будет установлен режим контроля, насилия и чрезвычайщины в лучшем имперском стиле; разве кто-нибудь заговорит тогда о свободной рыночной экономике и окажется ли важным придерживаться крайнего индивидуализма?

Однако я должен ответить на другие вопросы, касающиеся характера нынешнего кризиса и его тенденций.

3. Характеристики кризиса.

Прокомментируем кризис национального государства, кризис регионализации и процесса единения мира, и кризис общества, группы и индивидуума.

В процессе растущего единства мира увеличивается поток информации и возрастает перемещение людской массы и товаров. Научно-технические достижения и экономическая власть все больше концентрируются на наиболее крупных предприятиях, постоянно наращивающих свой потенциал. Ускорение процесса взаимобмена наталкивается на ограничения и торможение со стороны таких старых структур как Национальное государство. В результате появляется тенденция к стиранию национальных границ внутри регионов. Это приводит к потребности сближения законодательств разных стран не только по вопросам таможенных пошлин и личной документации, но и по проблемам взаимной адаптации их хозяйственных организмов. По тому же пути развиваются трудовое законодательство и соцобеспечение. Многочисленные соглашения, заключенные между странами, вступившими в подобные отношения, свидетельствуют о том, что единый Парламент, единая судебная система и общая исполнительная власть сделают более эффективной деятельность данного района и ускорят его развитие. Традиционная национальная денежная единица уступает место единице региональной, что позволяет избежать потерь и задержек при обменных операциях. Кризис Национального государства наблюдается не только в странах, которые хотят вступить в региональный рынок, но и в тех, которые из-за экономических неудач проявляют заметную осторожность. Повсеместно слышны голоса, протестующие против окостеневшей бюрократии и требующие реформ. Там, где государства возникли в результате недавних разделов и аннексий, а также в виде искусственных федераций, оживает былая ненависть, и дают о себе знать религиозные и этнические различия. Традиционное государство должно противостоять этим центробежным силам в обстановке растущих экономических проблем, которые ставят под вопрос эффективность его деятельности и его законность. Подобного рода тенденции усиливаются в центре и на востоке Европы, на Балканах. Такие же трудности наблюдаются и на Ближнем Востоке, на Востоке и в Малой Азии. В некоторых странах Африки, чьи границы были установлены искусственно, заметны аналогичные признаки. Эти процессы сопровождаются миграцией целых народов через приграничные районы, что может нарушить региональное равновесие. Достаточно крупного

нарушения этого равновесия в Китае, чтобы оказались непосредственно затронутыми другие регионы, если принять во внимание нынешнюю нестабильность в бывшем Советском Союзе и странах континентальной Азии.

Между тем уже вырисовываются мощные экономические и научно-технические центры, которые приобретают региональное значение. Это Дальний Восток, возглавляемый Японией, Европа и США. Взлет и влияние этих центров демонстрируют очевидность полицентризма мира. Однако развитие событий показывает, что США свою научно-техническую, экономическую и политическую мощь подкрепляют военной силой и контролем над важнейшими регионами мира, богатыми полезными ископаемыми. В процессе растущего единства мира эта сверхдержава стремится к тому, чтобы стать основной направляющей силой нынешнего процесса независимо от того, согласны с этим или нет державы регионального значения. Такова, в конечном счете, суть Нового Мирового Порядка. Похоже, что эпоха мира еще не наступила, хотя сейчас угроза мировой войны рассеялась. Религиозные, этнические и сепаратистские конфликты, социальные взрывы, миграционные потоки и вооруженные столкновения в отдельных регионах, похоже, угрожают нынешней кажущейся стабильности. С другой стороны, увеличивается разрыв между развитыми в экономическом и научно-техническом отношении зонами и отсталыми регионами мира, что в этой ситуации создает дополнительные трудности. Пример тому - Латинская Америка. Хотя некоторые ее страны и переживают в последние годы значительный экономический подъем, в целом зависимость от мировых экономических центров становится все более заметной.

В то время как разрастаются региональная и всемирная структуры власти многонациональных компаний, пока идет концентрация международного финансового капитала, политические системы утрачивают свою независимость, а законодательство приспособливается к диктату новых властителей мира. Многие институты власти ныне могут быть прямо или косвенно заменены отделами или фондами Компании, которая в состоянии оказать помощь в вопросах рождения, воспитания, трудоустройства, бракосочетания, развлечений, информационного, социального и пенсионного обеспечения и в похоронах своих служащих и их детей. Что же касается гражданина как такового, то он уже может в известных случаях обойтись без старых бюрократических процедур благодаря кредитной карточке и электронным деньгам, которые мало-помалу начинают фиксировать в компьютере не только его расходы и вклады, но и любой вид его прошлой и настоящей деятельности. Очевидно, что все это кое-кого уже освободило от второстепенных забот. Однако эти личные выгоды будут также способствовать возникновению системы скрытого контроля. Наряду с научно-техническим прогрессом и ускорением ритма жизни участие людей в политической деятельности сокращается, принятие решений все больше отдалается от отдельного человека и опосредуется, семья уменьшается и распадается на пары, все более мобильные и подверженные изменениям, межличностные связи блокируются, дружба исчезает, конкуренция отравляет все отношения между людьми вплоть до того, что никто никому не доверяет, чувство неуверенности проистекает уже не из того объективного фактора, что растет сама преступность, но прежде всего из определенного состояния духа. Следует добавить, что межличностная, групповая и социальная солидарность быстро исчезает, наркомания и алкоголизм наносят свои удары, а число самоубийств и психических заболеваний имеет опасную тенденцию к увеличению. Конечно, повсеместно существует разумное и здоровое большинство, но симптомы распада столь велики, что уже не позволяют нам говорить о наличии здорового общества. Пейзаж, в котором формируются новые поколения, наделен всеми элементами кризиса, о которых мы говорили выше; в него входят не только техническое и трудовое воспитание, но и телесериалы, советы обозревателей средств массовой информации, широковещательные заявления о совершенстве мира, в котором мы живем, или, для наиболее благополучной части молодежи, радость от мотоцикла,

путешествия, одежды, спорта, музыки и электронных забав. Подобный пейзаж формирования новых поколений чреват образованием громадной пропасти между различными возрастными группами. Проблема заключается в том, что болезненный процесс очень глубоко затрагивает и географически широко охватывает диалектику поколений. Ясно, что на самой вершине шкалы ценностей располагается миф о деньгах, и ему во все возрастающей степени подчиняется все вокруг. Значительная часть общества и слышать не желает ничего, что напоминало бы о старении и смерти, и не хочет думать о вопросах, связанных со смыслом и значением жизни. И нам следует признать определенную рациональность такого подхода, ибо подобные размышления идут вразрез со шкалой ценностей, установленной господствующей системой. Слишком серьезны симптомы кризиса, чтобы их не заметить. Но все же кто-то скажет, что такова цена, которую надо платить, чтобы выжить в конце двадцатого века. Другие станут утверждать, что мы входим в лучший из миров. За подобными утверждениями скрывается мысль о том, что в данный исторический момент наблюдающаяся общая ситуация отнюдь не привела к глобальному кризису, хотя отдельные кризисы возникают повсеместно, и по мере того как симптомы распада будут множиться, изменится соответственно и оценка происходящего, т.к. появится потребность в новых приоритетах и жизнеутверждающих проектах.

4. Позитивные факторы перемен.

Научно-технический прогресс не может быть поставлен под вопрос из-за того, что некоторые открытия были или будут использованы против людей и их благосостояния. В тех случаях, когда речь идет о технологии, следует предварительно подумать о том, каковы характерные черты той системы, которая собирается применить ее достижения и в каких целях. Прогресс в медицине, средствах связи, робототехнике, генной инженерии и во многих других областях, несомненно, может быть использован в целях разрушения. Существенен и урон от нерациональной эксплуатации природных ресурсов, загрязнения окружающей среды выбросами промышленности. Все это показатель того, что данная социально-экономическая система несовершенна. Так, хорошо известно, что ныне можно решить проблему питания для всего человечества, и вместе с тем нам ежедневно сообщают о голоде, истощении и человеческих жертвах, т.к. система не намерена заниматься этими проблемами, поскольку надо отказываться себе в сказочных доходах в обмен на глобальное улучшение жизни на Земле. Мы также замечаем, что тенденциями к регионализации и единению мира манипулируют в частных интересах и в ущерб многим слоям населения. Но даже при этих перекосах ясно, что открывается путь к единой общечеловеческой нации. Все ускоряющиеся перемены, наблюдаемые в мире, ведут к глобальному кризису существующей системы и вытекающей из него переоценке ценностей. Все это - необходимое условие для достижения стабильности и гармоничного развития планеты. Следовательно, несмотря на трагедии, которые могут происходить в процессе распада нынешней глобальной системы, род человеческий восторжествует над любыми частными интересами. Наша вера в будущее коренится в понимании направления исторического развития, начавшегося с наших предков-гоминидов. Сей род, миллионы лет работавший и сражавшийся, побеждая боль и страдания, не сгинет бесследно. Вот почему следует осмысливать текущие процессы, поднимаясь над конъюнктурными моментами и поддерживая все, что способствует дальнейшей эволюции, даже если не видны немедленные результаты. Поступательный ход истории можно сдержать, только если лишит солидарных и мужественных людей их сердец. Это трудно осознать, не сориентировав в позитивном смысле жизнь личности. Здесь приводятся в действие не механические факторы или исторический детерминизм, но человеческая целеустремленность, способная проложить путь через любые трудности.

Надеюсь, друзья мои, в следующем письме перейти к более вдохновляющим темам, оставив в стороне отрицательные моменты, чтобы набросать тезисы, отвечающие нашей вере в лучшее будущее для всех.

Примите мой искренний привет.

Сило
5 декабря 1991 г.

Третье письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

Я надеюсь, что настоящее письмо поможет упорядочить и доступно изложить мои соображения относительно сегодняшнего положения дел. Кроме того, я хотел бы осветить некоторые аспекты межличностных отношений и взаимоотношений человека с социальной средой, в которой он живет.

1. Перемены и кризис

В нынешнюю эпоху больших перемен люди, социальные институты и все общество переживает кризис. По мере ускорения эволюционного процесса кризис будет углубляться. Это предвещает потрясения, которые, быть может, не осознаются как таковые широкими слоями общества.

2. Кризис ориентиров

Происходящие перемены принимают неожиданную направленность, вызывая всеобщую растерянность относительно будущего и относительно того, что необходимо делать в настоящем. Однако на самом деле нас беспокоят вовсе не перемены, так как мы видим в них много позитивного. Нас волнует неизвестность того, в каком направлении идут эти перемены и на что мы должны ориентироваться в наших действиях.

3. Кризис в человеческой жизни

Перемены происходят в экономике, научно-технической сфере и в обществе; в первую очередь они влияют на нашу жизнь, на отношения в семье, на работе и с друзьями. Изменяются наши мысли, наши представления о мире, о других людях и о нас самих. Одно нас стимулирует, а другое смущает и парализует. Поведение людей и наше собственное нам кажется непоследовательным, противоречивым, лишенным ясного направления. То же можно сказать и о событиях, происходящих вокруг нас.

4. Необходимость дать направление собственной жизни

Таким образом, необходимо придать направление этим неизбежным переменам, и нет другой возможности это сделать иначе, как начав с самого себя. Каждый внутри самого себя должен дать направление этим неупорядоченным переменам, курс которых для нас неизвестен.

5. Направление жизни и перемена ситуации

Люди живут не изолированно друг от друга, и если они на самом деле направляют свою жизнь, то они смогут изменить отношения в своей семье, на работе и везде, где им приходится действовать. Это не психологическая проблема, которая решается в головах отдельных личностей. Она решается изменением отношений с другими людьми путем цельности, последовательности в поведении. Когда мы празднуем победу или когда нас угнетают наши неудачи, когда мы строим планы на будущее или когда решаем совершить перемены в нашей жизни, мы забываем о главном: о том, что мы связаны отношениями с другими людьми. Мы не можем объяснить того, что с нами происходит, ни сделать выбор, не учитывая отношений с конкретными людьми и общественной средой. Люди, которые для нас

играют важную роль, и общественная среда, в которой мы живем, ставят нас в определенную ситуацию, исходя из которой мы думаем, чувствуем и действуем. Отрицать или не принимать это в расчет - значит создавать себе многочисленные трудности. Наша свобода выбора и действий ограничена ситуацией, в которой мы живем. Любое изменение может быть совершено нами не абстрактно, а только в связи с ситуацией, в которой мы живем.

6. Последовательное поведение

Если бы мы могли думать, чувствовать и действовать в одном направлении; если то, что мы делаем, не противоречило бы тому, что мы чувствуем, то мы могли бы сказать, что мы живем в согласии сами с собой. В этом случае мы доверяли бы сами себе, хотя совсем не обязательно нам доверяло бы наше собственное окружение. Мы должны достичь этой последовательности и цельности и в отношениях с другими, относясь к другим так, как мы хотели бы, чтоб относились к нам самим. Мы знаем, что может существовать другая по своему характеру последовательность в поведении, которая носит разрушительный характер. Подобное мы наблюдаем, например, у расистов, эксплуататоров, фанатиков и насильников, но здесь явно *отсутствует цельность в отношениях с другими*, потому что они относятся к другим совсем не так, как им хотелось бы, чтобы относились к ним. Единство мысли, чувства и действий, единство в отношении того, что просят и того, что дают - это идеал, которого не существует в повседневной жизни. В этом-то и все дело. Речь идет о том, чтобы поведение человека соответствовало этим принципам; речь идет о ценностях, которые, если к ним относиться серьезно, придают жизни определенную направленность независимо от трудностей, встречающихся на этом пути. Если мы рассматриваем вещи не в статике, а в динамике, то мы примем это как стратегию, которая должна постепенно осуществляться с течением времени. В данном случае ценны уже сами намерения (даже если вначале действия не согласуются с ними), особенно если такие намерения сохраняются, совершенствуются и множатся. Представления о том, чего мы хотим достичь, являются надежными ориентирами, которые задают направление в любой ситуации. Все сказанное совсем не сложно для понимания. Например, нас не удивляет, что тот или иной человек ориентируется в своей жизни на определенную большую цель, несмотря на отсутствие больших результатов, этот идеал является для человека стимулом. Почему бы тогда не согласиться с тем, что эти жизненные идеалы могут служить ориентирами в поведении людей, несмотря на то, что наша эпоха неблагоприятна для того, чтобы думать, чувствовать и действовать взаимосвязано и относиться к другим так, как хотелось бы, чтобы относились к нам.

7. Два принципа

Думать, чувствовать и действовать последовательно в одном направлении и обращаться с другими так, как мы хотели бы, чтобы обращались с нами, являются двумя принципами настолько простыми, что люди, привыкшие все усложнять, могут посчитать их чересчур наивными. Однако за этой кажущейся простотой стоит новая шкала ценностей, на самой высокой отметке которой находится цельность; новая мораль, для которой не безразличен характер действия; новые устремления, которые предполагают последовательность в усилиях придать направление действиям людей. За этой кажущейся наивностью скрывается мысль о смысле жизни человека и общества, которая будет или по-настоящему эволюционной, или пойдет по пути дезинтеграции. Мы уже не верим в то, что старые ценности могут соединить людей в единой социальной ткани, которая день ото дня разъедается растущим недоверием, отчужденностью и индивидуализмом. Былая солидарность между различными классами, ассоциациями, учреждениями и группами вытесняется жесткой конкуренцией, которой не избежать и внутри семьи. **В этом разрушительном процессе новое единение может возникнуть не на базе**

идей и отношений уже ушедшего мира, а благодаря конкретной необходимости каждого человека придать определенную направленность своей жизни, для чего он должен добиться изменения своего собственного окружения. Это изменение, если оно действительно и истинно глубоко, не может быть осуществлено ни принудительно, ни при помощи навязываемых извне законов или фанатизма какого-либо типа, но лишь силой убеждения и минимальных совместных действий людей, которые составляют наше ближайшее окружение

8. Путь к обществу - через ближайшее окружение

Мы знаем, что при позитивном изменении нашей ситуации мы будем влиять на наше окружение. Многие люди разделяют эту точку зрения, и в результате возникнет новая система человеческих отношений, которая будет охватывать все больше людей. Мы должны спросить себя; зачем надо идти дальше? Просто, в соответствии с принципом, относиться к другим так, как нам хотелось бы, чтобы относились к нам. Разве мы не поделились бы с другими тем, что оказалось решающе важным для нашей жизни? И если влияние этих идей начинает возрастать, то это происходит потому, что наши отношения расширились, и, соответственно, наше окружение выросло. Этот момент мы должны иметь в виду с самого начала: еще тогда, когда мы действуем в узком кругу людей, проекция этого влияния может пойти намного дальше. Не будет странным предполагать, что и другие могут присоединиться к тому же самому направлению. В конце концов, все великие исторические движения следовали одним и тем же путем: они начинались с малого, и это логично, и развились благодаря тому, что люди начинали считать их выразителями своих нужд и забот. Действовать в непосредственном окружении во имя прогресса всего общества, значит действовать в соответствии с вышесказанным. Иначе зачем же мы упоминали о глобальном кризисе, которому надо решительно противостоять, если бы все кончалось на отдельных личностях, которым нет дела до других? Из потребности людей, которые совпадают в желании придать новое направление своей жизни и развитию событий, возникнет обстановка обсуждения и прямого общения. Далее распространение информации всеми средствами позволит расширить контакты. То же самое будет происходить по мере создания организаций и учреждений, разделяющих эти взгляды.

9. Наше ближайшее окружение

Мы уже говорили о том, что перемены сегодня происходят настолько быстро и неожиданно, что воспринимаются как кризис, охвативший целые общества, социальные институты и отдельных людей. Поэтому необходимо придать направление развитию событий. Однако, как это сможет сделать отдельно взятый человек, подверженный влиянию происходящих событий и перемен крупного масштаба? Ясно, что человек может придать направление развитию событий, относящихся непосредственно к его жизни, но не функционированию социальных институтов или всего общества. С другой стороны, не так просто придать направление даже собственной жизни, т.к. человек живет не изолированно от других, а в определенных условиях и в определенном окружении. Это окружение можно понимать широко: Вселенная, Земля, страна, штат или провинция и т.д. Тем не менее, существует ближайшее окружение, в котором мы живем и действуем. Это наша семья, работа, друзья и т.д. Мы связаны отношениями с другими людьми. Это и есть наш конкретный мир, без которого мы не можем обойтись. Он непосредственно влияет на нас, а мы на него. И если мы и можем оказать на кого-либо влияние, так это непосредственно на наше ближайшее окружение. Но случается, что оказываемое нами влияние, как и влияние на нас самих, во многом зависит от общей ситуации, от кризиса и потери жизненных ориентиров.

10. Цельность как направление жизни

Для того, чтобы придать какое-то направление развитию событий, необходимо начать с себя, и чтобы сделать это, мы должны учитывать окружение, в котором мы живем и действуем. Но какое направление мы можем выбрать? Без сомнения то, которое нам обеспечивает внутреннюю цельность и поддержку в быстро и неожиданно меняющихся условиях. Думать, чувствовать и действовать в одном направлении - это принцип достижения цельности в жизни. Но это совсем не так просто, ведь мы не всегда выбираем условия, в которых находимся. Мы совершаем необходимые для нас действия, хотя они расходятся с тем, что мы думаем и чувствуем. Мы оказываемся в ситуациях, которыми не можем управлять. Однако последовательность в действиях - это не разовые поступки, это стремление направить свою жизнь по пути достижения цельности в поведении. Очевидно, что, действуя только таким образом, мы сможем частично изменить ситуацию, в которой мы находимся. И совершив эти изменения, мы сможем повлиять в нужном направлении на наши отношения с другими людьми, и они, в свою очередь, последуют нашему примеру. На вышесказанное можно возразить, что люди довольно часто меняют свое окружение в связи со сменой места работы или по другой причине. В ответ можно заметить, что данное обстоятельство не опровергает сказанного, ведь мы всегда находимся в какой-то ситуации и всегда находимся в каком-либо окружении. Для достижения цельности необходимо относиться к другим так, как мы хотим, чтобы относились к нам самим. Таким образом, эти два принципа содержат основы нашего поведения и наших действий. Цельность возрастает по мере того, как мы начинаем думать, чувствовать и действовать в одном направлении. Эта цельность распространяется и на отношения с другими людьми, и нет другого пути, чтобы достичь этого, как только начать относиться к другим так, как мы хотим, чтобы относились к нам. Цельность и солидарность - это основные линии поведения, к которым следует стремиться.

11. Соразмерность действий как путь к достижению цельности

Как достичь цельности? В первую очередь, нам необходима определенная соразмерность в наших повседневных действиях. Необходимо определить наиболее важные вопросы нашей деятельности. Необходимо выделить главное, для того чтобы дело пошло, затем второстепенное и т.д. Возможно, что, определив два-три приоритетных вопроса, мы получим полное представление о ситуации. Приоритетные вопросы нельзя отделять один от другого или менять их местами, т. к. это отрицательно влияет на ситуацию. Вопросы должны решаться не изолированно, а в комплексе; следует избегать того, чтобы решение одних вопросов опережало решение других. Часто случается так, что мы придаем чрезмерное значение какому-то вопросу, и, таким образом, меняется то, что мы считаем наиболее важным, т.к. общая ситуация была нарушена. Иногда в случае необходимости, мы бываем вынуждены сосредоточить наши усилия на решении срочных вопросов, но даже в такой ситуации нельзя откладывать решение других вопросов, благодаря которым сохраняется целостность общей ситуации, в которой мы живем. Умение выделять главное и совершать действия, соблюдая необходимую соразмерность - это важнейший шаг на пути достижения цельности.

12. Своевременность действий как путь к достижению цельности

Наша повседневная жизнь определяется заданным распорядком, личными делами, а также окружающей средой. Но даже эта кажущаяся рутина существования обладает динамикой и богата событиями, оценить которые поверхностные люди не в состоянии.

Некоторые люди ставят знак равенства между своей жизнью и этой рутинной, но это совсем не так, поскольку зачастую им приходится делать выбор в рамках условий, навязываемых нам окружением. На нашем жизненном пути встречаются препятствия и противоречия, но не следует путать эти два понятия. Мы понимаем под "препятствиями" неудобства и помехи, с которыми мы сталкиваемся. Они не очень серьезны, но многочисленны и часто повторяются, раздражая и утомляя нас. Конечно, мы в состоянии преодолеть их; они не являются определяющими в нашей жизни и не являются непреодолимыми для осуществления наших планов. Однако они создают трудности, и их диапазон широк: от незначительных физических усилий до таких проблем, при решении которых возникает угроза сбиться с выбранного нами пути. И хотя эти препятствия бывают значительными, они не могут остановить наше продвижение вперед. Но то, что мы называем "противоречиями", в корне отличается от вышесказанного. Когда наш план не может быть выполнен, когда развитие событий ставит нас в ситуацию, противоположную желаемой, когда мы оказываемся в порочном круге, из которого не можем выбраться, когда мы абсолютно не в состоянии направлять свою жизнь, то это значит, что мы во власти противоречий. Противоречие - это роковое изменение быстро текущей жизни, которое заставляет нас безнадежно отступать. Это случай крайнего проявления отсутствия цельности в жизни, когда наши мысли, чувства и поступки противоречат друг другу. Однако даже в этом случае всегда есть возможность направить свою жизнь, но для этого необходимо знать, когда это следует делать. Своевременность действий - это то, о чем мы не задумываемся в нашей повседневной жизни, потому что многие наши поступки обусловлены привычными нормами поведения. Но в отношении серьезных препятствий наши решения должны быть такими, чтобы они не приводили к катастрофе. Обобщая, можно сказать, что следует отступить перед большой силой, подождать пока она ослабеет, и тогда решительно идти вперед. Существует огромная разница между трусом, который теряется и отступает перед любым препятствием, и тем, кто противостоит трудностям, уверенный в том, что только продвигаясь вперед, можно преодолеть эти трудности. Иногда случается, что продвижение вперед невозможно, т. к. трудности на нашем пути значительно, превосходят наши возможности, и попытка безрассудного решения способна привести лишь к катастрофе. Сложная проблема, с которой мы можем столкнуться, тоже подвержена динамике; соотношение сил может измениться или потому, что усилится наше влияние на ситуацию, или потому, что ее влияние на нас ослабеет. Именно этот момент изменения соотношения сил - самый благоприятный для решительных действий; нерешительность или промедление ведут лишь к новому изменению условий. Своевременность действий - лучший метод изменения направления в жизни.

13. Возрастающая адаптация как путь к достижению цельности

Рассмотрим тему направленности жизни и цельности, которых хотим достичь. Здесь возникает вопрос об адаптации к различным ситуациям с учетом вышеупомянутых принципов, так как мы можем адаптироваться к условиям, которые уводят нас от цельности. Оппортунисты страдают близорукостью в этом вопросе. Они считают, что лучшей формой существования является принятие всего, что исходит от власть имущих - это и есть истинная адаптация. Но понятно, что их представление о жизни далеко от того, что мы называем цельностью. Мы видим разницу между дезадаптацией, которая не позволяет расширить наше влияние; убывающей адаптацией, которая состоит в принятии установленных условий, и возрастающей адаптацией, которая позволяет расширить наше влияние в соответствии с принципами, о которых мы уже говорили.

Обобщим вышеизложенное.

1. В мире происходят стремительные перемены, двигателем которых является научно-техническая революция, и это приходит в противоречие с существующими структурами, а также с жизненным укладом и обычаями общества и отдельных людей. 2. Это противоречие порождает нарастающий кризис во всех областях, и нет оснований предполагать, что он будет ослабевать; наоборот, он имеет тенденцию к обострению. 3. Неожиданность происходящих перемен не позволяет предвидеть, в каком направлении они пойдут, каково будет поведение окружающих нас людей, и, наконец, какова будет наша собственная жизнь. 4. Многое из того, о чем мы думали и во что мы верили, нам уже не подходит. В то же время не видно и решений, которые предлагали бы общество, какие-либо организации или отдельные личности, пораженные одним и тем же недугом. 5. Если мы принялись за решение этих проблем, то мы должны придать направление нашей жизни, стараясь согласовать наши мысли, чувства и дела. Так как мы не живем изолированно друг от друга, то цельность должна распространиться на наши отношения с другими, для чего мы должны относиться к ним так, как мы бы хотели, чтобы относились к нам. Эти два принципа не могут быть соблюдены в полном объеме, но они указывают необходимое направление, особенно если мы возьмем их за постоянный ориентир и будем стремиться к их углублению. 6. Наша жизнь непосредственно связана с жизнью других людей, и это та среда, в которой мы должны действовать, чтобы придать благоприятное направление развитию нашей ситуации. Это не психологическая проблема, которая может быть решена в голове отдельной личности; это вопрос, тесно связанный с ситуацией, в которой мы живем. 7. Будучи последовательными в решении поставленных задач, мы приходим к выводу, что все позитивное для нас и для нашего ближайшего окружения должно быть распространено на все общество. Вместе с другими, идущими в том же направлении, будем использовать подходящие средства для того, чтобы новая солидарность нашла свою, дорогу. Поэтому, действуя даже внутри ближайшего окружения, мы не можем терять из виду общую ситуацию, которая затрагивает все человечество и которая требует, чтобы мы оказывали помощь другим точно так же, как и мы нуждаемся в помощи других. 8. Непредсказуемые перемены, происходящие вокруг нас, заставляют нас серьезно ставить вопрос о необходимости направлять свою жизнь. 9. Цельность не начинается с одного человека и не заканчивается на нем; она всегда связана с окружением, с другими людьми. Солидарность - это одна из форм личной цельности. 10. Соразмерность действий состоит в установлении жизненно важных приоритетов и в выборе на этой основе такого поведения, которое не нарушило бы равновесия между ними. 11. Своевременность действий состоит в умении отступить перед большой силой и начать решительно действовать, когда она ослабеет. Это необходимо учитывать при изменении направленности своей жизни, если она находится под воздействием противоречий. 12. Деадаптация, при которой мы ничего не можем изменить в нашем окружении, так же неблагоприятна, как и убывающая адаптация, при которой мы пассивно принимаем существующие условия. Возрастающая адаптация состоит в усилении нашего влияния на наше окружение по пути достижения цельности.

Примите мой искренний привет.

Сило

17 декабря 1991 г.

Четвертое письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

В предыдущих письмах я изложил свою точку зрения в отношении той ситуации, в которой сегодня, в эпоху перемен и утраты жизненных ориентиров, находятся все общество, группы людей и отдельные индивидуумы. Я подверг критике негативные тенденции в развитии событий, уделив особое внимание наиболее распространенным взглядам тех, кто заявляет, будто бы они могут ответить на самые жгучие вопросы современности. Очевидно, что все высказанные оценки, хорошо или плохо сформулированные, отражают лишь мою личную позицию, в основе которой лежат определенные идеи, сведенные в систему. Вероятно поэтому меня просят разъяснить "исходные позиции", опираясь на которые, я выступаю с критикой или развиваю мои идеи. В конце концов, ведь можно сказать все, что угодно более или менее оригинальное. Нам ежедневно в голову приходят какие-то неожиданные мысли, однако мы и не пытаемся их аргументировать. Сегодня они - одни, завтра - другие, совершенно противоположные, ведь в быту мы можем позволить себе вольность оценок. Поэтому с каждым днем мы в целом все меньше задумываемся и над своими и над чужими мнениями, привыкнув считать, что они носят конъюнктурный характер и изменяются ежечасно подобно биржевым сводкам. А если в этих взглядах обнаруживается что-то постоянное, так это не иначе как дань моде, которая будет заменена очередной модой. Я не ратую за косность взглядов, а пытаюсь привлечь ваше внимание к их несостоятельности. Изменения во взглядах должны происходить под воздействием внутренней логики а не в зависимости от того, откуда подует ветер. Но к чему говорить о внутренней логике в ту пору, когда жизнь людей напоминает судорожные усилия утопающего? Вот я все это пишу и думаю, что суть написанного до некоторых не дойдет, потому что не отвечает тем заветным принципам, которыми они привыкли руководствоваться при выборе чтения: то, что они читают, должно: 1) развлекать их или 2) пригодиться в их бизнесе, или 3) быть в моде. Я не сомневаюсь, что, начав со слов "Дорогие друзья" и дочитав до этого места, они пришли в полное замешательство, как если бы я писал на санскрите. Тем не менее эти же самые люди прекрасно разбираются в сложнейших вещах, начиная с запутанных банковских операций и кончая компьютерной административной техникой. Так вот, они оказываются неспособными осознать, что мы говорим о тех идеях взглядах и точках зрения, которые для них являются исходными; мы говорим о непонимании самых простых вещей, если они расходятся с тем пейзажем, который сформирован у этих людей образованием и кругом обязанностей. В этом-то все и дело.

Дав необходимые пояснения относительно предыдущих писем, я постараюсь кратко изложить идеи, которые лежат в основе моих взглядов, принципов и критических оценок. Постараюсь придерживаться языка рекламных текстов, поскольку, как разъясняет мудрая теория журналистики, организованные идеи есть "идеология", которая, как доктрина, является инструментом для промывания мозгов тем, кто выступает против свободы торговли взглядами и социальной рыночной экономики. Сегодня, следуя веяниям постмодернизма, т. е. законам "высокой моды" (вечерний туалет, галстук-бабочка, накладные плечи, кроссовки и пиджак с отвернутыми до локтей рукавами), деконструктивистской архитектуры и бесформенного декора, от нас требуют, чтобы в текстах отсутствовала стройность изложения. И не надо забывать, что литературная критика также отвергает все системное, структурное и стройное. Все это, конечно же, согласуется с доминирующей идеологией Компании, испытывающей ужас перед Историей и теми идеями, к разработке которых она не приложила руку и в которые она не поместила значительную часть своих акций.

А теперь шутки в сторону и приступим к изложению наших взглядов, по крайней мере тех, которые нам представляются наиболее важными. Должен отметить, что многие из них были изложены на лекции в Сантьяго-де-Чили 23.05.91.

1. Исходные позиции наших идей

Наша концепция исходит не из признания общих идей, а из изучения частного в человеческой жизни, частного в проблеме человеческого существования, частного в регистре мыслей, чувств и действий отдельного человека. Такие исходные позиции отличают ее от любой системы, в которой исходным являются какие-либо "идея", "материя", "подсознание", "воля", "общество" и т.д. Когда человек принимает или отвергает какую-либо концепцию, какой бы она ни была - логичной или экстравагантной - он определяет свою собственную судьбу, а не судьбу общества, чего-либо подсознательного или материи.

Поговорим о человеческой жизни. Когда я думаю о себе не с физиологической, а с экзистенциальной точки зрения, то понимаю, что я нахожусь в уже заданном мире, не созданном и не выбранном мной. Все в нем, начиная с моего собственного тела, уже предопределено. Тело является основной составляющей моего существа. Оно однородно с материальным миром, в котором живет и действует и который в свою очередь оказывает на него свое воздействие. Но природа тела имеет для меня важные отличия по сравнению с другими природными явлениями: 1) я непосредственно ощущаю свое тело; 2) через него я получаю информацию о внешнем мире; 3) я могу использовать его возможности в соответствии с моими намерениями.

2. Природа, намерения и открытость человека

Порой мир представляется мне не как конгломерат материальных предметов, но как взаимодействие людей, предметов и знаков, созданных или видоизмененных ими. От моих намерений главным образом зависит понимание поведения других людей, а так как понимание намерений делает меня частью общественной среды, можно сказать, что я создан этой средой. Конечно, речь идет о намерениях, которые лишь проявляются в действиях моего тела. Благодаря экспрессии тела и способности воспринимать состояние другого человека я понимаю их значение и намерения. Я меняю положение своего тела, соотнося его с объектами природы и людьми в зависимости от того, какие чувства они во мне вызывают - приятные или болезненные.

Таким образом, я не закрыт для мира природы и для людей, напротив, для меня характерна именно "открытость". Мое сознание сложилось под влиянием межсубъективных факторов, поскольку оно использует коды логического мышления, эмоциональные модели, схемы поступков, которые я считаю "своими", но признаю также право других обладать ими. И, конечно, мое тело открыто для мира, который я воспринимаю и на который определенным образом воздействую. Мир природы, в отличие от человеческого, как мне кажется, лишен осмысленной направленности. Конечно, я мог бы поверить в то, что существование камней, растений и звезд осмысленно и направленно, но я не вижу, как можно добиться эффективного диалога с ними. Даже животные, у которых иногда можно уловить искру интеллекта, непроницаемы для меня, а природа их меняется медленно. Я наблюдал сообщества насекомых, имеющих совершенную структуру, высших млекопитающих, которым доступны азы техники; но они очень медленно изменяются генетически и почти во всем подобны первобытным представителям своего вида. И когда я вижу прекрасные образцы культурных растений и животных, выведенных человеком, я говорю о его намерении прокладывать себе дорогу вперед и гуманизировать Землю.

3. Социально-историческая открытость человека

На мой взгляд, социальная сущность человека - недостаточный признак для того, чтобы отличать его от других живых существ. Его физическая сила также проигрывает в сравнении с сильными животными. Даже язык не является главным отличительным признаком человека, так как мы знаем о кодах и различных формах коммуникации у животных. Но когда каждый новый человек оказывается в мире, уже измененном другими, и становится частью этого мира, в нем проявляется способность приспосабливаться к временным особенностям этого мира; в этом заключаются его социально-исторические, а не просто социальные параметры. С учетом вышесказанного, я могу попытаться дать определение: человек - это историческое существо, чей способ общественных действий преобразует его собственную природу. Признав это, мы можем также признать, что человек способен намеренно изменить и свой физический облик. Это и происходит. Вначале он использовал различные инструменты, которые, подобно внешним "протезам", позволили удлинить руку, усовершенствовали органы чувств, сделали его сильнее и улучшили качество работы. От природы человек не был приспособлен для того, чтобы долго находиться в воде и воздухе, но он создал условия, позволяющие ему свободно передвигаться в этих двух сферах. В конце концов, он даже смог оторваться от своей естественной среды обитания - Земли. Сейчас он может вторгаться в свое тело, в мозг, заменять органы, производить оплодотворение "in vitro", управлять своими генами. Если изначально идея "природы", естества подразумевала постоянство, то сейчас она неприменима к оценке самого "предметного" в человеке - его тела. Что же касается "естественной морали", "естественного права" и других "естественных институтов", то все эти понятия носят историко-социальный, а вовсе не естественный характер.

4. Преобразующая деятельность человека

С идеей о человеческой природе соприкасается теория пассивности сознания. Эта теория считает человека существом, действия которого представляют собой всего лишь ответные реакции на импульсы естественного мира. Вначале это нашло отражение в грубом сенсуализме, который постепенно был вытеснен другими течениями, более историчными по своей сути, в основе которых, однако, сохранилась та же идея пассивности. И даже когда преобразующую мир деятельность человека стали ставить выше, чем интерпретацию его поступков, эта деятельность преподносилась как результат внешних по отношению к сознанию условий. Однако эти старые предрассудки о природе человека и о пассивности сознания сегодня опять навязывают нам под видом неозволюционизма, отличительная черта которого - естественный отбор в борьбе за выживание. Эта зоологическая концепция в своем новейшем варианте, переносится на человеческий мир. Диалектика рас или классов, характерная для прежних теорий, заменяется диалектикой, основанной на признании "естественных" экономических законов, с помощью которых достигается саморегулирование всей общественной жизни. И в этих теориях конкретный человек в который раз предстает как пассивный объект, которому отводится подчиненная роль.

Мы говорили о теориях, которые рассматривают человеческое существо, исходя из общетеоретических положений, и признают "природную" сущность человека и пассивность его сознания. Мы, наоборот, считаем отправным пунктом человеческую индивидуальность. Мы утверждаем, что сущность человека носит историко-социальный, а не "природный" характер, а благодаря своему сознанию он способен изменить мир в соответствии со своими устремлениями. Мы рассматриваем жизнь человека в определенной ситуации, а его тело как непосредственно воспринимаемый естественный объект, подверженный в свою очередь диктату его намерений. Естественно, возникают следующие вопросы; Почему сознание активно и как оно может сообщать свои намерения телу и при его помощи изменять мир?

Почему природа человека носит историко-социальный характер? На эти вопросы можно ответить, конкретно рассматривая проблему существования человека, чтобы не увязнуть в общих теоретических рассуждениях, которые дают почву множеству толкований. Поэтому, чтобы ответить на первый вопрос, надо проанализировать, как намерение передает свой импульс телу. Чтобы ответить на второй вопрос, следует исходить из тезиса о том, что человек относится к категории преходящих явлений и подвержен влиянию межсубъективных факторов, а не из общих законов развития истории и жизни общества. В нашей работе «*К вопросу о мышлении*» делается попытка дать ответ именно на эти два вопроса. В первой ее части изучается роль, которая отводится образному представлению в сознании человека, и подчеркивается способность образа направлять человеческое тело в пространстве. Второй раздел посвящен вопросам историчности и социальности человеческого существования. Специфичность этих тем не позволяет уделить им достаточное внимание в данном письме, и потому мы отсылаем заинтересованного читателя к указанной работе.

5. Преодоление боли и страдания как основная жизненная задача

В работе «*К вопросу о мышлении*» мы говорили о том, что естественное местонахождение тела человека - мир природы, и достаточно посмотреть на его строение, чтобы согласиться с этим утверждением. Его органы чувств, системы питания, движения, воспроизводства и т.д. сформированы естественным образом для того, чтобы существовать в мире природы. Но в то же время образ (посредством тела) выполняет свою преобразующую функцию, не копирует мир, не становится отражением заданной ситуации, наоборот, он меняет ее. В этой связи предметы представляют собой ограничение или расширение возможностей тела, а чужие тела воспринимаются как умножение этих возможностей, так как ими управляют намерения, аналогичные тем, которые управляют нашим телом. Зачем человеку нужно преобразовывать мир и самого себя? • Из-за недолговечности жизни, из-за ограниченности во времени и пространстве, которую он ощущает как физическую боль и психологическое страдание. Преодоление боли - это не просто животная реакция, но и иерархия времен, где на первом месте - будущее. Это превращается в основной жизненный импульс, не всегда связанный с переживаемым в текущий момент. Ведь кроме немедленного рефлекса есть еще и замедленная реакция, которая является следствием психологического страдания и выражается в желании избежать боли в дальнейшем (боли, воображаемой нами или наблюдаемой у других людей). Таким образом, преодоление боли является основной целью, ведущей к действию. Оно, это преодоление, позволяет установить взаимосвязь между телами и намерениями. Так образуется то, что мы называем "общественным устройством". Оно так же исторично, как и человеческая жизнь, оно формирует человеческую жизнь. Оно постоянно меняется, но не так, как природа, поскольку все происходящее в природе перемены не являются следствием чьих-либо намерений.

6. Образ, осмысление, взгляд и пейзаж

Однажды я вхожу в свою комнату и вижу окно, я узнаю его, оно мне хорошо известно. Но у меня появляется новое восприятие окна, хотя действует старое, которое, став образом, осталось во мне. Тем не менее, я замечаю трещину в углу стекла. "Здесь ее не было", - говорю я, сравнивая свое новое впечатление со старым. Кроме того, я испытываю своего рода удивление. Прежде окно оставило во мне свой образ, но не пассивный, как фотография, а живой, поскольку образы живы. Старый образ жив (наряду с новым восприятием), хотя его формирование и относится к прошлому. Речь идет о прошлом, которое всегда актуально, это прошлое в настоящем. До того как я вошел в комнату, я знал, что окно на месте и что оно цело; я не думал об этом, но это просто было естественно. В моих мыслях в тот момент окно,

как таковое, не присутствовало, но оно подразумевалось, сопresentствовало, как один из многих предметов, находящихся в моей комнате. Благодаря сопresentствию, тому, что образ удерживается в памяти, активизируясь в восприятии и накладываясь на него, сознание воспроизводит больше, чем воспринимает. В этом элементарное проявление способности человека к осмыслению окружающего мира. В приведенном примере я говорю: "Я думаю, что окно цело". Если бы, войдя в комнату, я обнаружил там явления, относящиеся к совершенно другой области предметов, например, лодку или верблюда, эта сюрреалистическая ситуация показалась бы мне невероятной не потому, что эти предметы не существуют, а потому, что они находятся вне поля сопresentствия, вне пейзажа, созданного мной и накладывающего отпечаток на все то, что я воспринимаю.

В любой момент моего сознания я могу наблюдать пересечение прошлых и будущих образов, действующих в настоящем одновременно и взаимосвязанно. Настоящий момент в моем сознании представляет собой временное поле, на котором активно действуют три разных времени. Эти явления существенно отличаются от календарного времени, в котором сегодняшний день не зависит ни от вчерашнего, ни от завтрашнего дня. На календаре и на часах "сейчас" не равнозначно "уже нет" или "еще нет", и, кроме того, события развиваются в линейной последовательности. Такой поток является не структурой, а соединением событий в одной серии под названием "календарь". Но мы еще вернемся к этому, рассматривая тему историчности и временности.

Сейчас мы продолжаем разговор о том, что сознание воспроизводит больше, чем воспринимает, поскольку в нем присутствует то, что, приходя из прошлого как материал накопления, накладываясь на восприятие настоящего. Когда я бросаю взгляд на какой-либо предмет, то вижу его не таким, каков он на самом деле. Я имею в виду не точку зрения современной физики, которая доказывает, что мы не можем обнаружить атом или определить длину волны, поскольку это выше или ниже порога нашего восприятия. В данном случае мы подразумеваем наложение прошлых и будущих образов на наше восприятие. Когда я вижу в поле прекрасный закат, этот естественный пейзаж, который я наблюдаю, сам в себе не несет определения. Это я даю ему определение в соответствии с моим идеалом красоты, И то умиротворение, которое я испытываю, создает мне иллюзию пассивного созерцания, хотя на самом деле я привношу бесчисленные значения, которые накладываются на простой объект природы. И это касается не только приведенного примера, но и любого взгляда, который я бросаю на реальный мир.

7. Поколения и исторические моменты

Общество постоянно развивается, но это не может происходить только потому, что существуют социальные объекты, которые появились в прошлом, присутствуют в настоящем и не потеряют своей актуальности в будущем. Этот механизм слишком примитивен, чтобы объяснить процесс развития цивилизации. Непрерывность процесса обуславливается существованием человеческих поколений, которые не просто следуют одно за другим, но сосуществуют, взаимодействуют и претерпевают изменения. Они являются динамическими структурами, которые постоянно развиваются, и без этого движения социального времени общество осталось бы в своем первоначальном виде и перестало бы быть обществом. С другой стороны, в любой исторический момент сосуществуют поколения разного временного уровня, с разными образами прошлого и будущего, которые образуют разные ситуационные пейзажи и имеют разные взгляды. Глядя на тело и поведение старика и ребенка, взрослый человек видит черты поколения уходящего и того, которое приходит. Крайним точкам этой триады соответствуют крайние временные точки. Но они все время смещаются, так как взрослая часть поколения стареет, старики умирают, дети растут и становятся взрослыми.

Таким образом, рождение новых детей постоянно обновляет общество. Когда мы отвлеченно говорим об "историческом моменте", как бы тем самым останавливая непрерывное течение времени, то все его участники оказываются на одной социальной сцене и как бы становятся "современниками", так как живут в одно и то же время. Но мы замечаем, что они не являются современниками: у них разный возраст, разное внутреннее время, в котором формировался их пейзаж, и которое характеризует их место в настоящем и планы на будущее. В действительности, диалектика поколений устанавливается "на стыке" поколений, когда люди стремятся занять активные позиции в обществе в соответствии с их интересами и устремлениями. Общественное развитие человечества обусловлено не линейной календарной последовательностью событий, как нам объясняют некоторые философы от истории, а существованием внутреннего социального времени, когда структурно взаимодействуют различные поколения.

В соответствии с историческим миром, в котором я социально сложился и в котором формируется мой пейзаж, я воспринимаю окружающий меня мир. То, что я вижу индивидуально и соответствует моему пейзажу, в то же время является и коллективным пейзажем, так как он отвечает в данный момент видению многих людей. Как я уже говорил, в одно и то же время сосуществуют разные поколения. Грубо говоря, одновременно живут те, кто родился до эры транзистора, и те, кто родился в эпоху компьютеров. Множество людей, относящихся к этим двум эпохам, не только по-разному действуют, но думают и чувствуют. То, что в обществе и в производстве раньше оправдывало себя, теперь постепенно (или иногда сразу) теряет смысл. От будущего ждали определенного результата; будущее пришло, но получилось все не так, как было намечено. Старые действия, чувства, идеология не совпадают с новым пейзажем, который возникает в обществе.

8. Насилие, государство и концепция власти.

Человек в силу своей открытости и свободы выбора ситуаций, своей способности к отсроченной реакции и к планированию будущего, также может отрицать себя, в какой-то степени свое тело, зачеркнуть свою жизнь (покончить с собой) или перечеркнуть жизнь других. Эта свобода выбора привела к тому, что некоторые люди незаконно присвоили себе принадлежащее обществу; то есть они отрицают свободу и волю других людей, превращая их в орудие для достижения своих целей. В этом суть дискриминации, а методы - физическое, экономическое, расовое и религиозное насилие. Насилие может укорениться надолго в результате существования аппарата социального регулирования и контроля, называемого государством. Следовательно, организация общества нуждается в прогрессивном типе координации, исключающей концентрацию любой власти, как государственной, так и частной. Когда доказывают, что приватизация всех отраслей экономики спасает общество от власти государства, умалчивают, что истинная проблема заключается в монополии или олигополии, которая передает власть из рук государства в руки некоего Парагосударства, управляемого уже не бюрократическим меньшинством, а меньшинством частных владельцев, что ускоряет процесс концентрации.

Различные общественные структуры, от самых примитивных до самых сложных, стремятся к непрерывному росту концентрации, пока они сами не окостеневают и не начинается этап их распада, дающий начало новым процессам реорганизации уже на более высоком уровне по сравнению с предыдущим. С самого начала истории человечества общество стремится к глобальности и поэтому непременно вступит в эпоху максимальной концентрации неограниченной власти с чертами мировой империи, исключающей возможность дальнейшей экспансии. В такой глобальной системе обязательно наступает коллапс как следствие логического внутреннего развития любой замкнутой системы, в

которой не может не нарастать беспорядок. Но так же, как процесс развития всех структур идет в направлении глобальности, процесс гуманизации ведет к открытости человеческого существа, к преодолению власти Государства и Парагосударства; он ведет к децентрализации и деконцентрации ради высшей координации между автономными социальными образованиями. Кончится ли все хаосом, после которого возродится цивилизация, или откроется этап нарастающей гуманизации - будет зависеть не от беспощадных механических планов, а от намерений людей и народов, их желания изменить мир, а также от этики свободы, которая не может быть никому навязана свыше. И тогда уже речь пойдет не о формальной демократии, которой, как сегодня, управляют в своих интересах отдельные группировки, а о подлинной Демократии, в которой прямое участие индивидуума могло бы осуществляться немедленно благодаря техническим средствам коммуникации, способным сегодня сделать это.

9. Процесс развития человечества.

Те, кто попирает человеческое достоинство и права других людей, тем самым неизбежно вызывал новую боль и страдание; в недрах общества возобновлялась извечная борьба против естественной враждебности, но на этот раз между теми, кто хочет "натурализовать" других людей, общество и историю, и, с другой стороны, угнетенными, которые хотят гуманизировать свою жизнь и гуманизировать мир. Гуманизировать - это значит перестать считать человека пассивным объектом, признать его целенаправленность и принцип примата будущего над настоящим. Стремление к возможному лучшему будущему позволяет изменить настоящее и делает возможными любые революции и перемены. Поэтому, чтобы произошли перемены, недостаточно воздействия системы угнетения; необходимо уяснить, что перемены возможны и зависят от человеческих действий. Это не борьба механических сил, не отражение явления природы; это столкновение человеческих устремлений. И именно это позволяет нам говорить об угнетателях и угнетенных, о справедливых и несправедливых, о героях и трусах. И только это позволяет нам осмысленно проявлять социальную солидарность и бороться против дискриминации, не важно - большинства или меньшинства.

Более детально наши соображения по поводу насилия, государства, социальных институтов, закона и религии представлены в работе «*Человеческий пейзаж*», вошедшей в книгу «*Гуманизировать жизнь на Земле*», к которой, чтобы не выходить за рамки письма, я и отсылаю читателя.

Что же касается смысла человеческих поступков, то я не думаю, что они представляют собой бессмысленные конвульсии, "напрасные страсти", которые растворяются в вечности. Я считаю, что человечество в своем развитии движимо осмысленной направленностью, и что все более сознательные устремления народов откроют путь к созданию единой общечеловеческой нации. Из всего вышесказанного *с очевидностью следует, что человек действует не в порочном круге и что тот, кто стремится к цельности, должен быть открытым для мира, и, расширяя свое влияние на отдельных людей и различные сферы, не только пропагандировать определенные концепции и идеи, но и предпринимать конкретные действия, которые способствуют освобождению человека.*

На этом я заканчиваю. В следующем письме мы оставим эти чисто теоретические темы и снова поговорим о сложившейся ситуации и действиях людей в современном обществе.

Примите мой искренний привет.

Сило
19 декабря 1991 г.

Пятое письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

Среди множества людей, обеспокоенных ходом нынешних событий, я часто встречаю бывших членов прогрессивных политических партий и организаций. Многие из них еще не оправились от шока, вызванного крахом "реального социализма". Сотни тысяч активных борцов во всем мире предпочли погрузиться в свои повседневные заботы, давая понять таким образом, что их прежним идеалам пришел конец. То, что для меня было еще одним шагом вперед на пути дезинтеграции централизованных структур (кстати, я ожидал этого в течение двух десятилетий), для них оказалось неожиданным трагическим событием. Однако сейчас не время гордиться собственной проницательностью; развал этой политической формы породил дисбаланс сил, открывший широкий простор чудовищной по своим действиям и целям системе.

Пару лет назад я был на одном общественном мероприятии, где старые рабочие, работающие матери с детьми и небольшие группы молодежи поднимали сжатые в кулак руки в такт мелодии своей песни. Еще развевались флаги и раздавались призывы к борьбе... и увидев это, я подумал: сколько воли, риска, трагической страсти и усилий, вызванных к жизни искренними порывами, направляются по пути, который ведет к абсурдному отрицанию возможности преобразить мир. Это волнующее зрелище вызвало во мне желание спеть гимн идеалам старого борца, который, не думая об успехе, все же сохранял свою боевую гордость. Я испытывал глубокие противоречивые чувства от увиденного, и сейчас, по прошествии времени, я спрашиваю себя: что стало со столькими замечательными людьми, объединившимися для борьбы не только за свои непосредственные интересы, но и за новый мир, который, как они верили, будет лучшим из миров? Я думаю не только о тех, кто входил в политические партии, так или иначе организационно оформленные, но и обо всех тех, кто решил посвятить свою жизнь служению делу, которое они считали правым. И, конечно, я не могу судить о них по их ошибкам или просто рассматривать их как выразителей некоей политической философии. Сегодня необходимо возродить, насколько это возможно, ценность человеческой личности и ее идеалы.

Перечитав написанное выше, я приношу извинения тем, кто, не будучи членом подобных организаций и не участвуя в их работе, далек от этих проблем. Но я обращаюсь также и к ним и призываю их обратить пристальное внимание на все, что затрагивает ценности и идеалы человеческой деятельности. Этой теме и посвящено сегодняшнее несколько резкое письмо, цель которого - побороть пораженческие настроения, охватившие, как мне кажется, души борцов.

1. Самая важная тема: знать, хочет ли человек жить и в каких условиях

В настоящее время миллионы людей борются за то, чтобы выжить, и не знают, удастся ли им завтра победить голод, болезни, нищету. Условия их жизни настолько тяжелы, что любая попытка преодолеть трудности еще более усложняет им существование. Будут ли они пребывать в самоубийственном бездействии? Предпримут ли шаги, продиктованные отчаянием? Готовы ли действовать, рисковать или надеяться? Если да, то как? На что способен человек, который по причинам экономического, социального или просто личного характера оказался в критической ситуации? Главная проблема всегда будет заключаться в следующем: хочет ли человек жить, и в каких условиях.

2. Свобода человека. Главный смысл жизни

Даже те, кто не находится в критической ситуации, анализируя свое нынешнее положение, строят схему жизни в будущем. Даже те люди, которые предпочитают не думать о своем положении или перекладывают эту задачу на других, выбирают какую-то схему жизни. Таким образом, свобода выбора становится реальностью с того самого момента, когда мы задумываемся о жизни и об условиях, в которых мы хотели бы жить. Боремся мы за это будущее или нет - свобода выбора всегда остается. И только это в жизни человека может оправдать существование ценностей, морали, прав и обязанностей, позволяя в то же время отвергать любую политику, любую общественную организацию, любой стиль жизни, если они не отвечают целям, служащим интересам конкретного человека современности. Любая мораль, любой закон или общественное устройство, основанное на принципах, якобы более высоких, чем человеческая жизнь, подвергают человека опасности, ибо отказывают ему в главном смысле жизни - в свободе.

3. Намерение как ориентир деятельности

Мы появляемся на свет в условиях, которые были выбраны не нами. Мы не выбираем себе тело, природную среду, общество, время и место, в которых - на счастье или на беду - нам приходится жить. Во всем остальном с какого-то времени мы вольны выбирать между самоубийством и жизнью, а если жить - то в каких условиях. Мы можем восстать против тирании и победить или погибнуть; мы можем бороться за какое-то дело или способствовать угнетению; мы можем принять некую модель жизни или попытаться изменить ее. Мы также можем ошибиться в своем выборе. Мы можем верить в то, что, принимая устои общества, какими бы порочными они ни были, мы в состоянии прекрасно приспособиться к ним и тем самым улучшить условия своей жизни. Или же мы можем предположить, что, рассматривая все в общем, не делая различий между важным и второстепенным, мы расширяем поле свободы действий, в то время как в действительности степень нашего влияния на возможность изменить положение вещей прямо зависит от того, насколько мы приспособились к обществу. Наконец, мы можем отдать приоритет действию, усиливая, насколько это возможно, наше влияние на жизнь общества, что наполнит смыслом наше существование. В любом случае мы должны выбирать те или иные условия и потребности и мы делаем выбор согласно собственному намерению и намеченной жизненной схеме. Конечно же, само намерение может претерпевать изменения на этом нелегком пути.

4. Что мы делаем со своей жизнью?

Мы можем поставить этот вопрос не в абстрактном виде, а лишь исходя из условий жизни и из условий, в которых нам хотелось бы жить. Иными словами, мы живем в обществе, связаны отношениями с другими людьми, и наша судьба зависит от судеб этих людей. Если мы полагаем, что в настоящее время у нас все в порядке, а обозримое будущее в личном и общественном планах соответствует нашим запросам, то следует продвигаться вперед, придерживаясь избранной линии, может быть, внося в нее незначительные коррективы. Напротив, если мы считаем, что живем мы в обществе, где царят насилие, неравенство и несправедливость, и где бурные перемены в мире приводят к все более тяжелым кризисам, мы задумываемся о необходимости глубоких перемен в личной жизни и в обществе. Все мы страдаем от всеобщего кризиса, охватившего мир, мы теряем привычные жизненные ориентиры, и все труднее нам планировать будущее. Самое тяжелое – это невозможность осуществления последовательных перемен, потому что прежние известные нам формы

борьбы оказались несостоятельными и потому что разрушение социальной ткани общества не позволяет предпринять крупные совместные действия. Конечно же, мы переживаем то же самое, что и все те, кто страдает от нынешних трудностей и предвидит дальнейшее ухудшение своего положения. Никто не может и не хочет участвовать в действиях, обреченных на провал, и в то же время никто не может жить по-прежнему. И самое худшее заключается в том, что наше бездействие оставляет открытым путь усугубляющемуся неравенству и несправедливости. С новой силой возрождаются разнообразные формы дискриминации и насилия, которые, как нам казалось, уничтожены навсегда. Если разброд и кризис столь сильны, почему бы новым чудовищным системам не стать социальным ориентиром, почему бы представителям этих систем не сказать нам со всей ясностью, что мы все и каждый из нас должны делать, и не потребовать от нас этих действий? Подобный примитивный подход сегодня реален как никогда, ибо он беспрепятственно распространяется в обществе, охватывая даже тех, кто находится в критической ситуации.

Располагая большей или меньшей информацией, многие, тем не менее, знают, что положение, говоря принятым нами языком, стало критическим. Тем не менее, все больше людей делают решительный выбор в пользу своей личной жизни, игнорируя трудности других и общий социальный контекст. Мы часто приветствуем выступления против Системы, но, тем не менее, мы слишком далеки от попытки изменить существующее положение. Нам известно, что Демократия в ее нынешнем виде носит чисто формальный характер, что она послушно выполняет приказания определенных экономических группировок, и несмотря на это мы хотим очистить совесть, участвуя в фарсовых выборах и голосуя за крупные политические партии, потому что нас шантажируют: если мы не поддержим эту систему, мы откроем путь диктатуре. *Мы даже не задумываемся о том, что сам факт голосования или призыв голосовать за мелкие партии может оказаться многообещающим в будущем, равно как и поддержка в создании трудовых организаций вне рамок традиционных структур может стать важным объединяющим фактором. Мы отвергаем привычную работу в жилых кварталах, в поселках, в городе и в нашей непосредственной среде, так как мы считаем ее чересчур ограниченной, но мы знаем, что именно там начнется восстановление социальной ткани общества, когда наступит кризис централизованных структур. Мы предпочитаем следить за поверхностной игрой, за верхушкой общества, за известными личностями, формирующими общественное мнение, вместо того, чтобы прислушаться к ропоту народа, раздающемуся из глубины. Мы протестуем против мощного давления средств массовой информации, находящихся под контролем экономической олигархии, вместо того, чтобы усилить наше влияние на менее значительные средства общественной коммуникации и использовать для этого любую возможность. И если мы все еще состоим в какой-либо прогрессивной политической организации, мы занимаемся выискиванием неточностей в Прессе или выуживаем любое упоминание о "деятеле", представляющем наше движение, потому что это более или менее приемлемо для информационных средств Системы. По сути дела, мы все проходим через это, так как уверовали в роль побежденных, которым остается лишь молчаливо переживать горечь поражения. И именно это поражение мы определили как "посвятить себя своей собственной жизни", в то время как "наша собственная жизнь" вбирает в себя существующие противоречия, и мы все больше теряем смысл жизни и способность выбирать условия, в которых нам хотелось бы жить. В конечном счете, мы еще не осознали возможности создать широкое Движение за перемены, которое отразило бы и вобрало в себя наиболее позитивные факторы общества; и, конечно, чувство разочарования мешает нам выдвинуться в качестве главных действующих лиц процесса перемен.*

5. Ближайшие интересы и мораль

Мы должны выбрать условия, в которых мы хотим жить. Если мы будем действовать вопреки нашей схеме жизни, нам не избежать противоречий, которые повлекут за собой нескончаемую череду неприятностей. Что же может послужить тормозом, который мы могли

бы применить в потоке событий нашей жизни? Таким тормозом станут только наши ближайшие интересы. Так, можно представить себе множество критических ситуаций, выход из которых сопряжен с необходимостью пожертвовать всеми ценностями и смыслом, так как наша главная цель - достижение ближайшего, непосредственного успеха. Во избежание трудностей мы постараемся воздержаться от любого обязательства, способного приблизить нас к критической ситуации, однако сам ход событий неминуемо поставит нас в положение, которое мы не выбирали. Не требуется особой проницательности, чтобы понять, что именно произойдет с нашими близкими, если они поведут себя таким образом. Почему бы им не выступить против нас, если ими движут точно такие же ближайшие интересы? Почему бы целому обществу не пойти по этому же пути? В этом случае наступит беспредел произвола, и к власти неоправданно придет сила, которая проявит настоящую жестокость, если столкнется с сопротивлением. В противном случае ей будет достаточно убедить нас, прибегая к сомнительным ценностям, а нам придется принять их в качестве оправдания, даже если в глубине души мы осознаем бессмысленность нашей жизни. И тогда на Земле воцарится дегуманизация жизни.

Выбор жизненного пути из числа объективно существующих возможностей очень далек от того, чтобы быть животным инстинктом. Наоборот - это основное свойство человеческой личности. Отказавшись от того, что его определяет, мы затормозим ход истории и на каждом шагу можем ожидать, что усилится процесс разрушения. Если отказаться от права на выбор жизненного пути и идеала общества, то мы будем иметь дело с пародией на Право, на ценности и на смысл жизни. Что мы можем в таком случае противопоставить психозу и беспределу, царящим вокруг? Каждый из нас должен увидеть, что он делает со своей жизнью, но в то же время и осознать, что его поступки выходят за пределы собственной личности, воздействуя в большей или меньшей степени на окружающих. Как единые осознанные действия, так и противоречивые выступления, диктуемые ближайшими интересами, неизбежны в любой ситуации, в которую может поставить нас течение жизни.

6. Принесение в жертву целей взамен на возможность удачи. Некоторые распространенные недостатки

Любой человек, участвующий в совместной деятельности и сознательно борющийся вместе с другими за достижение общественных целей, должен уяснить для себя многочисленные недостатки, которые в прошлом погубили не одно прекрасное начинание. Книги по истории, равно как и наша память, хранят бесчисленные примеры нелепого макиавеллизма, себялюбия (наперекор общепровозглашенной задаче) и авторитаризма всех мастей.

По какому праву различные доктрины, планы действий, общественные организации используются таким образом, что происходит смешение заложенных в них приоритетов? По какому праву мы ставим перед другими какую-то цель и говорим о каком-то предназначении, если затем объявляем главной ценностью сомнительный успех или сомнительную конъюнктурную необходимость? В чем здесь отличие от прагматизма, который мы отвергаем на словах? Где цельность наших мыслей, чувств и дел? *Махинаторы всех времен занимались моральным мошенничеством, формируя у других образ, нацеленный на будущее, и оставляя для себя образ ближайшего, непосредственного успеха. Если в жертву приносится цель, намеченная вместе с другими людьми, тем самым открывается простор для всякого рода предательства и сговора с противной стороной, с которой якобы ведется борьба. И в таком случае подобную непорядочность оправдывают "необходимостью", вытекающей из первоначального плана.* Следует понять, что мы не имеем в виду изменение условий тактики;

любой участник борьбы понимает соотношение между ними и главной целью. Мы также не касаемся ошибок в оценке ситуаций, которые возможны при выполнении той или иной конкретной задачи. Мы говорим о необходимости быть бдительными в отношении аморальности, которая способна извратить первоначальные намерения. Мы должны быть внимательными к самим себе и объяснить другим, чтобы они заранее представляли себе следующее: отказываясь от принятых обязательств, мы развязываем себе руки точно так же, как и они.

Следует признать, что имеется множество разновидностей уловок в использовании людей, полный перечень которых составить невозможно. Кроме того, мы не собираемся становиться в позу "моральных цензоров", так как нам хорошо известно, что за подобной позой стоит репрессивное создание, цель которого - сорвать любое начинание, если оно не находится под личным контролем, и тем самым парализовать товарищей по борьбе взаимным недоверием. Когда сомнительные ценности контрабандным путем проникают из противоположного стана и используются для оценки наших действий, уместно вспомнить, что это - "мораль" сомнительного свойства, и она не совпадает с нашей... Но почему же эти ценности распространяются среди нас?

Наконец, важно учитывать, что отход от первоначальных целей осуществляется постепенно и обманым путем, при помощи соответствующих переходных ситуаций. В этот процесс вовлекаются все примкнувшие к общему делу по причинам, отличным от открыто заявленных ими; их скрытые мысли изначально были иными; они только выжидали удобный случай для того, чтобы заявить о себе. Одновременно они постепенно начинают использовать явные или тайные коды, соответствующие системе двойного языка. Подобное поведение почти всегда совпадает с поведением тех, кто от имени организации дезориентирует честных людей, сваливая ответственность за свои несуразности на головы порядочных людей.

Нет необходимости особо останавливаться на явлении, которое давно известно как "внутренние проблемы" любой организации, мне представляется уместным указать на его конъюнктурные корни, которые оказывают на него существенное влияние и служат задаче формирования для других образа, нацеленного на будущее, оставляя за собой образ ближайшего, непосредственного успеха.

7. Царство второстепенного

Нынешнее положение таково, что обвинители всех мастей и типов прокурорским тоном требуют объяснений, считая само собой разумеющимся, что невиновность еще необходимо доказать. Самое примечательное во всем этом - это их тактика выпячивания второстепенного и, следовательно, замалчивания главного. В какой-то степени подобная позиция напоминает Демократию на предприятиях. Действительно, служащие в конторе обсуждают свои вопросы, например: письменные столы должны стоять дальше или ближе от окна; поставить ли цветы или повесить картины, приятные глазу. Все это совсем неплохо. Затем они голосуют, и большинством голосов решается судьба мебели и декора, что тоже совсем неплохо. Но когда нужно обсудить и поставить на голосование вопрос о руководстве и деятельности предприятия, наступает гробовое молчание... Демократия мгновенно замораживается, потому что мы действительно живем в Царстве Второстепенного. То же самое происходит с обвинителями от Системы. Внезапно какой-нибудь журналист берет на себя эту роль и объявляет подозрительным наше пристрастие к той или иной еде и требует обсудить или "договориться" относительно вопросов, касающихся спорта, астрологии, катехизиса. Естественно, всегда найдется какое-нибудь грубо сфабрикованное обвинение, на которое, как предполагается, мы вынуждены отвечать; часто прибегают к монтажу контекстов, использованию двусмысленных слов и манипулированию противоречивыми образами.

Полезно помнить, что люди из противоположного лагеря имеют право на то, чтобы мы объяснили им, почему они не могут судить нас, и почему мы имеем полное право судить их. В любом случае они должны защищать свои позиции, когда мы обвиняем их. Конечно, такая возможность зависит от определенных условий и от личных качеств противников, но невозможно без негодования смотреть на то, как кое-кто, имеющий полное право на подобную инициативу, беспомощно опускает голову. Трогательно видеть на экранах некоторых лидеров, произносящих остроумные словечки, танцующих, как медведи, с ведущей программы или подвергающихся всевозможным насмешкам только затем, чтобы их показали крупным планом. Многие благонамеренные люди, последовавшие этим замечательным примерам, никак не могут взять в толк, почему их слова, адресованные широкой публике через некоторые средства массовой информации, оказывались в итоге искаженными и подтасованными. Все сказанное ярко характеризует некоторые черты Царства Второстепенного, в котором важные темы оттесняются на второй план, и аудитория, вместо того, чтобы разобраться в вопросе, получает дезинформацию. Любопытно, что многие прогрессивные деятели попадают в эти сети, так как не понимают, что поверхностная реклама оказывает обратный эффект. Наконец, нам не пристало оставлять противоположному лагерю позиции, которые мы обязаны защищать. Любой может окончательно свести наши воззрения к простой нелепице, если заявит, что он тоже, например, "гуманист", потому что его беспокоит все человеческое; что он "противник насилия", потому что он против войны; что он против дискриминации, потому что один из его друзей - негр или коммунист; что он экологист, потому что заявляет, что следует бережно относиться к тюленям и котикам. Но в случае необходимости он не сможет глубоко обосновать свои слова и тем самым покажет свое истинное лицо антигуманиста, сторонника насилия, дискриминации и расхищения природных ресурсов.

Все эти рассуждения относительно некоторых аспектов Царства Второстепенного не являются чем-то новым, но иногда стоит предостеречь рассеянных членов организации, которые, стараясь передать свои идеи, не замечают чужой территории, на которой они оказались в изоляции.

Я надеюсь, что вы сумеете скрыть чувство досады, если в этом письме вы не нашли ничего, что касалось бы ваших проблем и интересов. Я также надеюсь, что в следующем письме мы продолжим нашу приятную беседу.

Примите мой искренний привет.

Сило

4 июня 1992 г.

Шестое письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

Некоторые читатели вновь просят меня дать более полное определение понятию социального и политического действия и его преобразовательных перспектив. В этой связи я мог бы ограничиться повторением уже сказанного в начале первого письма: "Уже длительное время я получаю из разных стран письма, в которых меня просят пояснить некоторые вопросы, затронутые в моих работах. Как правило, просят разъяснений, касающихся таких конкретных проблем, как насилие, политика, экономика, экология, общественные и межличностные отношения. Как мы видим, вопросов много и они разные. Конечно, надо быть специалистом в этих областях, чтобы дать ответ. Разумеется, я таким специалистом не являюсь." И все же, в своих последующих письмах я затронул указанные проблемы, но мне не удалось удовлетворить все пожелания. Как ответить на такие объемные вопросы в рамках и жанре письма? Таким образом, я попал в трудное положение.

Как вам известно, я участвую в течении мысли, в движении, которое за три десятилетия своего существования создало немало организаций и которое противостояло диктатурам и всякого рода проявлениям несправедливости. Но особенно упорной была борьба с дезинформацией, клеветой и умышленным умолчанием. Во всяком случае, это движение получило распространение во всем мире и сохранило как экономическую, так и идеологическую независимость. Вероятно, если бы мы в свое время поддались кратковременной грязной спекуляции, мы добились бы признания Прессы. Но это означало бы в конечном итоге победу абсурда и победу всего того, против чего мы боролись. В нашей истории есть кровь, тюрьмы, депортации и самые разные проявления притеснения. Мы должны всегда помнить об этом. Наше движение постоянно чувствовало себя обязанным историческому Гуманизму за то, что он делал акцент на свободе совести, на борьбе против любого обскурантизма, на защите высших общечеловеческих ценностей. Вместе с тем наше движение осуществило ряд работ и исследований, достаточных для того, чтобы дать ответ на проблемы эпохи ускоряющегося кризиса. Мне придется сослаться на эти работы и исследования при объяснении - в рамках небольшого письма - основных тем и идей гуманистов сегодняшнего дня.

ДОКУМЕНТ

ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Гуманисты - это женщины и мужчины нашего века, нашей эпохи. Они признают прошлое исторического Гуманизма и пользуются достижениями самых разных культур, а не только тех, которые в настоящее время занимают центральное место. Кроме того, это мужчины и женщины, которые завершают нынешний век и нынешнее тысячелетие и намерены идти в новый мир.

Гуманисты понимают, что их исторический путь длинен и что перед ними открывается еще более обширное будущее. Они думают о будущем и борются за преодоление нынешнего всеобщего кризиса. Будучи оптимистами, они верят в свободу и социальный прогресс.

Гуманисты являются интернационалистами, они стремятся к созданию единой общечеловеческой нации. Они видят мир глобально и действуют каждый в своей непосредственной среде. Им нужно не единообразие, а многообразие мира: многообразие народов, языков и традиций; многообразие сел, городов, областей и автономий; многообразие идей и устремлений, верований, атеизма и религиозности; многообразие видов трудовой деятельности; многообразие творчества.

Гуманисты не хотят ни хозяев, ни руководителей, ни начальников; они также не считают себя представителями или руководителями кого бы то ни было. Гуманисты выступают против централизованного Государства и против Парагосударства, которое могло бы прийти на смену первому. Гуманисты против армии полицейских и против вооруженных банд, которые могли бы заменить их.

Но между стремлениями гуманистов и реальностями современного мира возникла стена. Настало время разрушить ее, а для этого необходимо единение всех гуманистов мира.

1. Мировой капитал

Всеобщая великая истина такова: деньги - это все. Деньги - это правительство, это закон, это власть; это, прежде всего, средство существования. Но, кроме того, деньги - это Искусство, Философия и Религия. Ничто не делается без денег; ничто невозможно без денег. Вне денег нет личностных отношений. Без них нет и интимности, и даже спокойное одиночество зависит от денег.

Вместе с тем, наша связь с этой "всеобщей истиной" весьма противоречива. Большинству не нравится подобное положение вещей. Таким образом, мы сталкиваемся с тиранией денег. Это не абстрактная тирания, ибо у нее есть имя, представители, исполнители и надежные механизмы.

Сегодня речь идет не о феодальной экономике, не о национальной индустрии, ни даже об интересах региональных групп. Сегодня речь идет о том, что эти пережитки прошлого приспособляются к диктату международного финансового капитала, спекулятивного капитала, концентрация которого носит всемирный характер. В связи с этим даже национальное государство, чтобы выжить, нуждается в кредитах и займах. Все без исключения выпрашивают инвестиции и предоставляют гарантии того, чтобы банки взяли на себя окончательное решение. Близится время, когда сами компании, деревни и города станут неоспоримой собственностью банков. Близится время Парагосударства, когда прежние порядки должны быть упразднены.

Одновременно исчезает и прежняя солидарность. В конечном счете, речь идет о разложении социальной ткани и появлении миллионов людей, оторванных друг от друга и безразличных друг к другу, несмотря на объединяющие их лишения. Крупный капитал, властвующий с помощью средств производства над объективной реальностью, подавляет также субъективное начало благодаря контролю за средствами коммуникации и информации. В этих условиях он может по своему усмотрению распоряжаться материальными и социальными ресурсами, вызывая необратимые изменения в природной среде и все более грубо игнорируя интересы человека. Для этого он располагает достаточными технологиями. И так же, как опустошаются предприятия и государства, выхолащивается научная мысль, которая превращается в технологию производства нищеты, разрушений и безработицы.

Гуманистам нет нужды приводить многочисленные аргументы, когда они утверждают, что современный мир в технологическом отношении способен решить в короткие сроки проблемы обширных районов, касающиеся полной занятости, продовольствия, здравоохранения, жилья и образования. Но эта возможность не реализуется просто потому, что чудовищная спекуляция крупного капитала препятствует этому.

Крупный капитал уже прошел этап рыночной экономики и начинает дисциплинировать общество, чтобы бороться с хаосом, который он сам и породил. В этой обстановке абсурда не слышны голоса разума: наоборот, наблюдаются проявления фундаментализма, фанатизма и самого темного расизма. И если этот неоиррационализм охватит регионы и коллективы, поле деятельности прогрессивных сил будет сокращаться с каждым днем. С другой стороны, миллионы трудящихся уже осознали как нереальность государственного централизма, так и фальшь капиталистической Демократии. Рабочие поднимают голоса протеста против своих коррумпированных руководителей на производстве, а народы, в свою очередь, выступают с требованиями к партиям и правительствам. Однако эти процессы необходимо направлять, в противном случае их стихийность приведет к застою. Необходимо обсуждать с народными массами основные темы, касающиеся факторов производства.

По мнению гуманистов, к факторам производства относятся труд и капитал, существуют также спекуляция и ростовщичество. В нынешних условиях гуманисты борются за то, чтобы абсурдная взаимосвязь между трудом и капиталом была полностью преобразована. До сих пор существует такой порядок, когда капитал получает прибыль, а человек труда - заработную плату, и такой дисбаланс оправдывается "риском" инвесторов... как будто трудящийся не рискует своим настоящим и будущим в условиях колебаний уровня безработицы и кризиса. Кроме того, следует учитывать хозяйственную деятельность и принятие решений при управлении предприятием. Прибыль, не вложенная в производство, не направленная на его расширение или диверсификацию, используется для финансовых спекуляций. Прибыль, не создающая новых рабочих мест, также используется для финансовых спекуляций. Следовательно, борьба трудящихся должна быть направлена на то, чтобы капитал давал максимальную прибыль в производстве. А для этого необходимы совместные действия и совместное управление производством. Иначе как избежать массовых увольнений, закрытия или ликвидации предприятий? Опасность представляют недостаточные инвестиции, злостное банкротство, принудительная задолженность и отток капитала, а не прибыли, полученных за счет повышения производительности труда. И если трудящиеся, следуя урокам XIX века, будут бороться за конфискацию средств производства, им следовало бы учесть недавний крах реального Социализма.

В ответ на возражение о том, что установление каких бы то ни было рамок для капитала (подобных тем, что существуют для наемного труда) приведет к его оттоку в более прибыльные места, следует разъяснить, что подобное будет длиться недолго, ибо иррациональность нынешней схемы приводит к его насыщению и всемирному кризису. Подобное возражение, помимо признания радикальной аморальности, игнорирует

исторический процесс перемещения капитала в банки, в результате чего сам предприниматель становится служащим без права принятия решений, звеном единой цепочки, сохраняющим лишь видимость самостоятельности. Кроме того, по мере углубления спада производства, предприниматели сами задумываются над этими вопросами.

Гуманисты осознают необходимость действия не только в сфере труда, но и в политической области, с тем, чтобы не допустить превращения Государства в орудие мирового финансового капитала, чтобы добиться справедливого соотношения между трудом и капиталом и чтобы вернуть обществу украденную у него автономию.

2. Формальная демократия и демократия подлинная

Здание Демократии подверглось серьезным разрушениям после того, как дали трещину его основные устои: независимость ветвей власти, представительность и уважение меньшинств.

Теоретическая независимость властей - это просто нелепость. Достаточно на практике изучить происхождение и состав каждой из них, и станет очевидной их тесная взаимосвязь. Иначе и не может быть, так как они составляют единую систему. Так что частые кризисы, связанные с временным превосходством одной из властей, с наложением функций, коррупцией и плохим функционированием, обуславливаются общей политической и экономической ситуацией в каждой конкретной стране.

О представительной власти. С тех пор, как всеобщее голосование получило широкое распространение, считалось, что между избранием и сроком окончания полномочий имеется лишь один единый акт. Но со временем стало ясно, что есть первый акт, заключающийся в том, что многие избирают немногих, и второй акт, когда эти немногие предают многих, ибо представляют интересы, чуждые духу полученного мандата. Этот недуг зреет и в политических партиях, в их верхушках, не ведающих о потребностях народа. В рамках партийной машины заинтересованные круги финансируют кандидатов и указывают им политический курс, которому они должны следовать. Все это свидетельствует о глубоком кризисе концепции представительной власти и ее воплощения.

Гуманисты борются за изменение практики представительной власти, придавая особое значение референдуму, плебисциту и прямому избранию кандидатов. Ведь еще во многих странах действуют законы, по которым независимые кандидаты оказываются в подчинении политических партий или попадают в плен различных уловок и экономических ограничений, препятствующих участию в выборах. Любые Конституция или закон, мешающие гражданину полностью реализовать свое право избирать и быть избранным, есть не что иное, как насмешка над подлинной Демократией, которая стоит выше любого юридического регулирования. И раз речь идет о равных возможностях, то во время выборов средства массовой информации должны служить народу; всем кандидатам должны быть предоставлены абсолютно равные возможности излагать свои программы. Кроме того, необходимы законы о политической ответственности, с помощью которых не выполнивший свои предвыборные обещания, может быть лишен полномочий, смещен или предан политическому суду. Ныне существующая практика, согласно которой лица или партии, не выполнившие свои обещания, получают наказание на следующих выборах, абсолютно не предотвращает второй акт - предательство представляемых людей. Что же касается прямого опроса по безотлагательным вопросам, то с каждым днем ширятся возможности осуществить его технически. Речь идет не о проведении опросов, при которых возможны манипуляции; мы говорим об облегчении участия в голосовании и о прямом волеизъявлении с помощью современных электронных и компьютерных средств.

При подлинной Демократии меньшинства должны иметь гарантии представительства, кроме того, необходимо стремиться к принятию всех возможных мер, которые на практике способствовали бы их развитию и участию в жизни общества. В настоящее время меньшинства, преследуемые ксенофобией и подвергающиеся дискриминации, горестно молят о признании. В этой связи гуманисты несут ответственность за то, чтобы данный вопрос стал предметом самого серьезного обсуждения; они должны повсеместно возглавлять эту борьбу до тех пор, пока не будут разгромлены явные и скрытые неофашисты. В конечном счете, борьба за права меньшинств - это борьба за права всех людей.

Бывает и так, что в какой-либо стране целые провинции, регионы или автономии страдают от такой же дискриминации, которой подвергают меньшинства; это происходит под нажимом централизованного Государства, превратившегося в бесчувственное орудие в руках крупного капитала. И это должно прекратиться лишь с созданием федеративной организации, в которой исторические и культурные образования вновь обретут реальную политическую власть.

В конечном счете, ставить во главу угла вопросы капитала и труда, подлинной демократии и децентрализации государственного аппарата означает нацелить политическую борьбу на создание общества нового типа, общества гибкого и постоянно меняющегося в соответствии с изменениями потребностей народов, ныне зажатых в тиски зависимости.

3. Позиция Гуманистов

В своей деятельности гуманисты опираются не на фантастические теории Бога, Природы, Общества или Истории. Они исходят из жизненных потребностей отдалить боль и приблизить радость. Но человеческая жизнь добавляет к потребностям свое предвидение будущего, основанное на прошлом опыте и на стремлении улучшить существующее положение. Опыт представляет собой не просто продукт естественного и физиологического отбора и накопления, как это имеет место во всех биологических видах, но также и общественный и личный опыт, призванный преодолевать существующую боль и избегать ее в будущем. Продукт труда, накопленный в процессе общественного производства, претерпевает изменения и передается из поколения в поколение в условиях постоянной борьбы за улучшение природных условий жизни, и даже за усовершенствование собственного, тела. Именно поэтому понятию человека следует дать такое определение: человек - это историческое существо, чей способ общественных действий может преобразовывать мир и его собственную природу. И всякий раз как человек или группа людей силой навязывают свою волю другим, они затормаживают исторический процесс и превращают свои жертвы в "природные" объекты. Природа лишена устремлений, так что отрицая свободу и устремления других, мы тем самым превращаем их в природные объекты, в предметы пользования.

Прогресс человечества в своем поступательном развитии нуждается в преобразовании природы и общества, чтобы покончить с насильственным диким присвоением одних людей другими. Когда это произойдет, закончится предыстория и начнется истинная история человечества. А пока единственной отправной точкой должна быть основная ценность - человек с его свершениями и свободой. Поэтому гуманисты провозглашают: "Ничто не может стоять выше человека и ни один человек - ниже другого". Если принять в качестве основной ценности Бога, Государство, Деньги и т.п., человек оказывается отодвинутым на второй план, и создаются условия для последующего контроля над ним, или для принесения его в жертву. Для гуманистов этот вопрос ясен. Гуманисты, будь они атеистами или верующими, исходят не из атеизма или веры, чтобы обосновать свое мировоззрение и свои действия; для них отправной точкой является человек и его непосредственные потребности. И если в своей

борьбе за лучший мир они надеются открыть движущую силу Истории, то ставят эту надежду или это открытие на службу человеку.

Гуманисты формулируют главный вопрос таким образом: знает ли человек, хочет ли человек жить и решить, в каких условиях ему жить.

Гуманисты отвергают все формы физического, экономического, расового, религиозного, сексуального и идеологического насилия, которые являются тормозом прогресса человечества. Гуманисты обличают любую форму скрытой или явной дискриминации.

Гуманисты - не сторонники насилия, но они вовсе не трусы; они не боятся противостоять насилию, так как их действия исполнены смысла. Гуманисты связывают свою личную жизнь с жизнью общественной, не возводя искусственных барьеров между ними, в этом и заключается их последовательность.

Итак, мы разграничили Гуманизм и Антигуманизм. Для Гуманизма самыми главными являются: вопрос о труде - в противовес крупному капиталу; вопрос о подлинной Демократии - в противовес Демократии формальной; вопрос о децентрализации - в противовес централизации; вопрос об антидискриминации - в противовес дискриминации; вопрос о свободе - в противовес угнетению; вопрос о смысле жизни - в противовес смирению, пособничеству и абсурду.

Поскольку в основе Гуманизма лежит свобода выбора, он обладает единственной истинной этикой нынешнего момента. Кроме того, поскольку он верит в устремления и в свободу, он проводит различие между ошибкой и злым умыслом, между ошибающимся и предателем.

4. От наивного Гуманизма к Гуманизму сознательному

Обычный протест, выраженный в социальной среде, в местах работы и проживания трудящихся, Гуманизм должен превратить в сознательную силу, направленную на преобразование экономических структур.

Что касается активных участников профессиональных союзов и членов прогрессивных политических партий, то они должны вести последовательную борьбу с целью добиться изменений в руководстве тех организаций, в которых они состоят, нацеливая коллективы не только на удовлетворение требований сегодняшнего дня, но, в первую очередь, на решение коренных проблем, поставленных Гуманизмом.

Широкие слои студентов и преподавателей, обычно столь чувствительные к несправедливости, будут осознавать свое стремление к переменам по мере того, как общий кризис системы будет затрагивать их. Те, кто работает в Прессе и ежедневно сталкивается с человеческой трагедией, уже сегодня в состоянии действовать в гуманистическом направлении. То же самое можно сказать и о кругах интеллигенции, деятельность которых входит в противоречие с установками, выработанными этой бесчеловечной системой.

Существует множество платформ, в которых на основе факта страдания человека, содержится призыв к бескорыстному действию в защиту обездоленных и дискриминируемых. Ассоциации, группы добровольцев и значительные слои населения часто вносят положительный вклад в это дело. Несомненно, одним из положительных моментов этой деятельности является то, что наличие этих проблем становится достоянием гласности. Однако подобные группы не направляют свои действия на преобразование структур, порождающих указанные недуги. Такая деятельность скорее вписывается в Гуманитаризм, чем в сознательный Гуманизм. Но вместе с тем в ней уже заложена основа для углубления и расширения протестов и действий.

5. Антигуманистический лагерь.

По мере того как силы, мобилизованные крупным капиталом, все сильнее удушают народы, появляются непоследовательные тенденции, которые набирают силу с ростом недовольства существующим положением вещей и направляют это недовольство против псевдовиновных. В основе этих неофашистских тенденций лежит глубокое отрицание общечеловеческих ценностей. Некоторые также непоследовательные экологические движения ставят во главу угла природу, а не человека. Они заявляют, что экологическое бедствие является катастрофой не потому, что оно угрожает человечеству, а потому, что человек покушается на природу. Согласно утверждениям некоторых движений, человек заражен сам и потому заражает природу. Они предпочитают, чтобы медицина проиграла в борьбе с болезнями, и чтобы ей не удалось продлить человеческую жизнь. "Земля - превыше всего", истерически вопят они, напоминая лозунги нацизма. Отсюда всего один шаг до дискриминации заразных культур и иностранцев, загрязняющих и портящих окружающую среду. Эти течения вписываются также в Антигуманизм, потому что по существу они презирают человека. Их наставники презирают самих себя, в чем проявляются модные нигилистические и суицидальные тенденции.

Значительное число отзывчивых людей присоединяется к экологистам, так как понимает всю серьезность проблемы окружающей среды. Но если экологическое движение приобретет гуманистические черты, оно направит борьбу против виновников катастрофы, то есть против крупного капитала и сети разрушительных отраслей промышленности и предприятий, близких к военно-промышленному комплексу. Прежде чем проявлять беспокойство по поводу тюленей, это движение должно заняться проблемами голода, перенаселения, жилья, детской смертности, болезней, развития здравоохранения, которые существуют во многих странах мира. Оно должно обратить внимание на вопросы безработицы, эксплуатации, на расизм, дискриминацию и нетерпимость, свойственные технологически развитому миру. Миру, который, с другой стороны, порождает экологический дисбаланс во имя иррационального роста.

Нет нужды слишком пространно останавливаться на анализе правых сил, являющихся политическим орудием Антигуманизма. Их злонамеренность доходит до того, что они время от времени объявляют себя "представителями Гуманизма". Ловкие клерикалы также пытаются теоретизировать по поводу смехотворного "Теоцентрического (?) Гуманизма". Эти люди изобретатели религиозных войн и инквизиции, палачи родоначальников западного исторического Гуманизма, присвоили себе достоинства своих жертв и дошли даже до того, что "простили отступников" от исторического Гуманизма. Представители Антигуманизма достигли такой степени двуличия и мошенничества в присвоении чужих слов, что даже попытались прикрыться именем "гуманистов".

Невозможно перечислить все средства, механизмы, формы и выражения, которыми пользуется Антигуманизм. Но в любом случае попытка прояснить некоторые из наиболее скрытых тенденций будет способствовать тому, что многие стихийные или наивные гуманисты пересмотрят свои позиции и значение своей общественной деятельности.

6. Фронты Гуманистического действия

Гуманизм организует фронты действия на рабочих местах, в местах проживания, в профсоюзах, в политической и культурной областях с целью придания движению общественного характера. Действуя таким образом, он создает благоприятные условия для вовлечения в движение различных прогрессивных сил, групп и лиц, не лишая их при этом своей индивидуальности и специфических особенностей. Цель такого движения - содействовать единению сил, способных оказывать все возрастающее влияние на широкие слои населения, направляя их действия на преобразование общества.

Гуманисты - не наивные люди, они не прельщаются собственными заявлениями прежних романтических эпох. Они не считают, что их взгляды представляют собой самое передовое выражение общественного сознания, и не полагают, что их организация свободна от недостатков. Гуманисты не претендуют на роль представителей большинства. В любом случае они действуют в соответствии с взглядами, которые представляются им наиболее справедливыми, и ставят целью осуществление преобразований, которые, по их мнению, возможны и более всего соответствуют периоду, в котором им выпало жить.

Я надеюсь, что в следующем письме мы сможем продолжить обсуждение других вопросов.'

Примите мой искренний привет.

Сило

5 апреля 1993 г.

Седьмое письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

Сегодня мы поговорим о социальной революции. Как же это возможно? Некоторые здравомыслящие люди говорят нам, что слово "Революция" вышло из употребления сразу же после провала "реального Социализма". Возможно, в их головах навсегда обосновалась мысль о том, что революции, предшествовавшие 1917 году, были подготовкой к Революции "всерьез". Ясно, что если неудача постигла и "серьезную" Революцию, уже нет смысла возвращаться к данной теме. Как это повелось, здравомыслящие люди осуществляют идеологическую цензуру и присваивают себе прерогативу предоставления (или нет) гражданских прав модам и словам. Эти чиновники духа (или лучше сказать - средств массовой информации), продолжают иметь с нами диаметрально различия; они думали, что советский монолит вечен, а сейчас думают, что триумф капитализма стал непоколебимой реальностью. Они считали очевидным, что самое существенное в революции - это пролитие крови, а развевающиеся флаги, марши, жесты, пламенные речи были необходимой декорацией. В их формирующем пейзаже всегда действовали кинематография и мода от Пьера Кардена. Сегодня, например, когда они думают об исламе, то представляют себе женскую моду, которая их волнует, и когда говорят о Японии, то, несмотря на экономический прогресс, они неизменно реагируют на то, что японцы почти с того света вытаскивают кимоно. Если, будучи детьми, они питались книжками про пиратов и целлулоидными игрушками, то потом их притягивали к себе Катманду, путешествия на острова, защита экологии и "естественная" мода; если же они увлекались вестернами и боевиками, то впоследствии они видели прогресс через призму конкурентной войны, а революцию - через призму пороховых баталлий.

Мы погружены в мир законов массовой коммуникации, в котором создатели общественного мнения навязывают нам свои точки зрения с помощью газет, журналов и радио, в котором писатели, представляющие гнилую интеллигенцию, определяют темы для обсуждения, в котором благоразумные люди сообщают и поясняют нам все о современном мире... Перед телевизионными камерами ежедневно предстает корпорация лиц, которые навязывают свое мнение; там, в принятом порядке, дают слово психологу, социологу, политологу, модисту, журналистке, которая брала интервью у Каддафи, и невыразимому астрологу. Все они, как один, восклицают: "Революция? - вы идете совершенно не в ногу со временем!" В конце концов, общественное мнение (точнее публикуемое мнение) поддерживает мысль о том, что все идет к лучшему, несмотря на некоторые трудности, и, кроме того, удостоверяет кончину Революции.

Был ли представлен комплекс хорошо взаимосвязанных идей, который дисквалифицировал бы революционный процесс в современном мире? Нет, излагаются лишь суждения кучки комедиантов. Следовательно, не существует серьезных концепций, которые заслуживали бы глубокого обсуждения. Итак, сразу же перейдем к важным вопросам.

1. Деструктивный хаос или революция

В этой серии писем мы сделали несколько комментариев общей ситуации, в которой мы живем. В результате этого мы пришли к следующей альтернативе: либо мы будем подавлены становящейся все более абсурдной и деструктивной тенденцией, либо мы придадим событиям иной смысл. В основе такой постановки вопроса лежит диалектика свободы перед лицом детерминизма, поиск человеком выбора и компромисса перед лицом механистических процессов, чье предназначение - лишить мир человеческого начала. Обесчеловечивающей

является концентрация крупного капитала до уровня мирового коллапса; как следствие этого обесчеловеченным окажется мир, бьющийся в конвульсиях в результате сильного голода, миграций, бесконечных войн и борьбы, повседневной нестабильности, всеобщего произвола, хаоса, несправедливости, ограничения свободы и триумфа новых видов мракобесия. Недостойно человека снова возвращаться в том же колесе истории до возникновения другой цивилизации, которая повторила бы те же бестолковые шаги сцепления .. если это вообще было бы возможно после крушения этой первой мировой цивилизации, которая в настоящее время начинает формироваться. Но в этой длинной истории жизнь поколений и отдельных людей так коротка и так скоротечна, что **каждый рассматривает общую судьбу, как судьбу личную, расширенную до размеров общей, но не понимает свою личную судьбу, как общую, суженную до размеров личной.** Итак, гораздо убедительнее то обстоятельство, что каждому человеку приходится жить сегодня чем то, чем он будет жить завтра, и чем его дети будут жить завтра. И, конечно, миллионы людей живут в обстановке такой спешки, что не хватает горизонта внимательно рассмотреть то гипотетическое будущее, которое могло бы появиться. Непомерная трагедия заключена именно в этом моменте, и этого более чем достаточно, чтобы бороться за глубокое изменение ситуации. Почему же, в таком случае, мы упоминаем завтрашний день, если неотложные дела дня сегодняшнего имеют такое значение? Просто потому, что с каждым разом все более манипулируют образом будущего, и призывают людей к тому, чтобы они смирились с существующей обстановкой, как будто речь идет о кризисе незначительном и вполне терпимом. "Каждый экономический сдвиг, - теоретизируют они, - имеет свою социальную цену. "Достойно сожаления, - говорят они - что для того, чтобы всем нам было хорошо в будущем, вы вынуждены тяжело жить в настоящем". "Неужели раньше – спрашивают они, - такая технология и медицинское обслуживание были лишь в местах наибольшего изобилия?" "Наконец-то придет и ваш черед", - утверждают они.

И пока нас просят повременить, эти люди, которые обещали прогресс для всех, продолжают рыть ров, разделяющий живущее в роскоши меньшинство и все более притесняемое большинство. Этот социальный порядок загоняет нас в порочный круг, который все время подпитывается и проектирует глобальную систему, из которой не сможет вырваться ни одна точка планеты. Однако очевидно также, что повсюду люди перестают верить обещаниям социальной верхушки, что их позиции становятся все более радикальными и начинается всеобщее брожение. Будем ли мы все сражаться против всех? Одни культуры будут сражаться с другими, одни континенты - с другими, одни регионы - с другими, одни этносы - с другими, одни соседи - с другими и одни родственники - с другими? Мы будем идти к стихийному миру без направления, наподобие раненым животным, бегущим от боли, или будем идти в направлении Мировой Революции, сохраняя наши специфические особенности? То, что я пытаюсь сформулировать, заключается в следующем **нам предоставляется выбор между простым разрушительным хаосом и Революцией как направлением, стоящим выше всех различий, разделяющих угнетенных.** Я говорю, что ситуация в мире и в жизни каждого человека с каждым днем будет все более конфликтной, и что оставить будущее в руках тех, кто направлял этот процесс до настоящего времени, есть самоубийство. Сейчас уже не те времена, когда можно расправиться со всей оппозицией и на следующий день провозгласить "В Варшаве воцарился мир". Уже не те времена, когда 10% населения могли бы безраздельно распоряжаться остальными 90 %. При нынешней системе, которая начинает становиться всемирно замкнутой, когда не существует ясного направления перемен, все зависит просто от накопления капитала и власти. Результат таков, что в закрытой системе невозможно ожидать ничего другого, кроме всеобщего механического беспорядка. Парадокс системы заключается в том, что стремление навести порядок в обстановке возрастающего хаоса приведет к усугублению беспорядка. Нет другого выхода, кроме революционного слома системы, ее открытия многообразию человеческих нужд и чаяний.

Если ставить вопрос таким образом, то тема Революции впервые приобретает грандиозную значимость и нацеленность в будущее, которую она не могла иметь в предыдущие эпохи.

2. О какой революции мы говорим?

В предыдущем письме мы определили свою позицию по вопросам труда в противовес крупному капиталу; о реальной демократии в противовес формальной; о децентрализации в противовес централизации; об антидискриминации против дискриминации; о свободе против угнетения. Если в настоящий момент капитал постепенно переходит в банки, если банки становятся хозяевами предприятий, стран, регионов и всего мира, то революция влечет за собой экспроприацию банков, чтобы они оказывали свои услуги, не взимая процентов, которые в настоящее время являются ростовщическими. Если сейчас при создании предприятия капитал получает прибыли, а работник - заработную плату; если на предприятии управление и принятие решений находятся в руках капитала, то Революция приведет к тому, что прибыли будут переинвестироваться, диверсифицироваться или использоваться для создания новых источников занятости, а управление и принятие решений будут осуществляться совместно трудом и капиталом. Если сейчас регионы или провинции страны связаны решениями центра, то революция влечет за собой переустройство этой власти таким образом, чтобы региональные образования составили федеративную республику, и чтобы власть в этих республиках была бы одинаково децентрализована в пользу коммунального уровня, откуда должно исходить все избирательное представительство. Если сейчас жители какой-либо страны пользуются благами здравоохранения и образования на основе принципа неравенства, то революция сделает эти блага бесплатными для всех, потому что в конечном счете они являются двумя главными ценностями революции и призваны вытеснить этот образчик современного общества, созданный богатством и властью. **Поставить все на службу здоровью и образованию – это значит наметить верный путь решения сложнейших экономических и технологических проблем современного общества.** Нам кажется, что, опираясь на противоположный образ действий, нельзя прийти к обществу, обладающему возможностями эволюционного развития. Излюбленный прием капитализма при изложении своей аргументации состоит в том, чтобы все подвергать сомнению, непрестанно спрашивать, откуда возьмутся ресурсы, и как увеличится производительность труда, давая понять, что источником ресурсов являются банковские займы, а не народный труд. Впрочем, позволительно спросить: "Чему служит эта производительность, если она затем исчезает из рук тех, кто ее создает?" Ничего необычного не представляет для нас модель, в течение нескольких десятилетий действовавшая в некоторых частях мира и которая сегодня начинает давать сбои. Чудесное повышение уровня здравоохранения и образования в этих странах при ближайшем рассмотрении оборачивается увеличением язв не только физических, но и психосоциальных. Если составной частью их образования является формирование человека авторитарного, склонного к насилию и ненависти; если составной частью их медицинского прогресса является рост алкоголизма, потребления наркотиков и самоубийств, - то такая модель ничего не стоит. Мы и впредь будем восхищаться хорошо организованными образовательными центрами, прекрасно оборудованными больницами и, кроме того, будем стремиться **поставить их на службу народу без всяких различий.** Что касается содержания и значения здравоохранения и образования, можно очень много спорить с современной системой.

Мы говорим о революции социальной, которая резко изменит условия жизни народа, о революции политической, которая преобразует структуру власти, и, наконец, о революции гуманной, которая создаст свои собственные парадигмы вместо сегодняшних декадентских ценностей. **Социальная революция, на которую нацелен Гуманизм, проходит через захват политической власти для осуществления необходимых преобразований, но захват власти - это не самоцель.** Впрочем, насилие не является главным компонентом такой революции. Чего стоила бы отвратительная практика расправ с врагом и тюрем? Чем бы мы отличались от вечных угнетателей? Антиколониальная революция в Индии пошла путем народного давления, а не путем насилия; это была революция, незавершенная ввиду

ограниченности ее идейной направленности, но в то же время она продемонстрировала новый способ действий и борьбы. Революция против иранской монархии разразилась под напором народа, даже не путем захвата центров политической власти, уже "опустошавшихся" и. терявших свои структуры до такой степени, что они перестали выполнять свои функции... и вот нетерпимость все разрушила. Таким образом, можно совершить революцию различными способами, включая победу на выборах, однако во всех случаях необходимо немедленно осуществить резкое изменение всех структур, и начать с установления нового юридического порядка, который, помимо всего прочего, ясно продемонстрировал бы новые социальные производственные отношения, воспрепятствовал бы любому произволу и регулировал бы деятельность тех прежних структур, которые еще годны для улучшения.

Революции, которые сегодня агонизируют, или новые, которые зарождаются, ограничатся ролью свидетеля в рамках застоявшегося строя, они не пойдут дальше организации беспорядков, если не будут следовать в направлении, предложенном Гуманизмом, то есть: в направлении такой системы общественных отношений, главной ценностью которой был бы человек, а не что-либо другое, как, например, "производство", "социалистическое общество", и т.д. Однако утверждение, что человеческая жизнь является главной ценностью, содержит идею, полностью противоположную тому, что сегодня понимается под "человеческим существом". Современные схемы понимания все еще очень далеки от идеи и от восприятия, необходимых для проникновения в реальность гуманного начала. Однако (и это необходимо пояснить) начинает вырисовываться определенное возвращение к критическому мышлению вне штампов, принятых поверхностной изобретательностью эпохи. Стоит упомянуть о том, что у Г. Петровича мы находим концепцию, предвосхитившую высказанное нами. Он определяет Революцию как сотворение существа принципиально иного типа, отличного от всякого существа негуманного, антигуманного, и еще не полностью гуманного. Петрович отождествляет Революцию с наивысшей формой существа, существа во всей его полноте и существа-в-Свободе, (Тезис относительно "необходимости концепции революции", 1977, *Философия и общественные науки*, конгресс в Морелии в 1975 г.).

Революционный прилив, начавшийся как выражение отчаяния большинства угнетенных масс, не остановится. Но этого будет еще недостаточно, так как невозможно направить соответствующим образом этот процесс лишь с помощью механического пути "социальной практики". ***Выйти из области необходимости в область свободы посредством революции - императив этой эпохи, в которой человек пребывает в заточении. Будущие революции, если они пойдут дальше обычных путей и дворцовых переворотов, дальше классовых, этнических или религиозных требований, должны будут приобрести преобразующий характер, причем за основу будет принята основная ценность - человек. Отсюда, чем дальше пойдут изменения, произведенные в конкретных ситуациях стран, тем характер революции будет более универалистским, а цель - охватить весь мир. Следовательно, когда мы говорим о "Мировой Революции", то понимаем, что любая гуманистическая революция, или которая станет гуманистической, даже если она будет осуществлена в ограниченном масштабе, будет иметь такой характер и такую цель, что может выйти из своих границ. И такая революция, каким бы незначительным ни было место ее свершения, коснется каждого человека.*** Когда ставится вопрос о Мировой Революции, то ударение делается не на ее успехе, а на ее реальном гуманизирующем размахе. Что касается революционера нового типа, который отвечает этому новому типу революции, то по своей сути и характеру деятельности он становится гуманизатором мира.

3. Фронты действия в революционном процессе

Сейчас я хотел бы изложить некоторые практические соображения, касающиеся создания необходимых условий для достижения единства, организации и роста общественных сил, что позволило бы определить позиции в направлении революционного процесса.

Старый тезис о создании фронта путем накапливания прогрессивных сил на базе соглашения лишь по нескольким важным пунктам сегодня превращается в практику

"склеивания" партийных расколов без социальной подоплеки. Таким образом, идет накопление противоречий в партийных верхах, которые проявляются в борьбе за лидерство в печати и предвыборной пропаганде. Во времена, когда партия с достаточными экономическими ресурсами могла слить воедино разрозненные части, создание предвыборных "фронт" было осуществимо. Сегодня ситуация резко изменилась, и, тем не менее, традиционно левые продолжают оперировать теми же методами, как будто ничего не произошло. Необходимо пересмотреть функции Партии в настоящий момент и задаться вопросом, являются ли политические партии теми структурами, которые способны положить начало революции. Поскольку, если система завершила процесс перерождения партий, превратив их в "скорлупу", прикрывающую действия, которые контролируются крупным капиталом и банками, то надсистемная партия, без человеческой базы, могла бы приблизиться к формальной (но не реальной) власти, не внося ни малейших принципиальных изменений. Политическое действие требует пока создания такой партии, которая добилась бы представительства на выборах на различных уровнях. Однако с самого начала необходимо сознавать ясно, что эта представительность нацелена на перевод конфликта в центральные эшелоны власти. В таком контексте член партии, ставший народным представителем, является не государственным чиновником, а деятелем, наглядно показывающим противоречия системы и организующим революционную борьбу. Другими словами, политическая работа в учреждениях или партиях понимается в этом случае как выражение широкого общественного явления, обладающего своей собственной динамикой. Таким образом, Партия может развивать наибольшую активность в периоды выборов, но различные фронты действия, которые в отдельных случаях могут служить ей базой, используют те же самые выборы, чтобы разъяснять сущность конфликтов и расширять свою организацию. Здесь есть важное отличие от традиционной концепции Партии. Действительно, в течение нескольких десятилетий считалось, что Партия - это авангард борьбы, организующий различные фронты действия. В данном случае все приобретает противоположный смысл. Есть фронты действия, которые организуют и развивают базу общественного движения, и есть Партия, являющаяся институциональным выражением этого движения. В свою очередь, Партия должна создать условия для присоединения других прогрессивных политических сил, так как она не может претендовать на потерю ими своего лица при сливании. Партия не должна претендовать на свое особое положение, формируя с другими силами более широкий "фронт", который включил бы в себя все разрозненные прогрессивные силы. Однако соглашение будет достигнуто лишь между верхушками, если Партия не опирается на реальную базу, которая направляет этот процесс. С другой стороны, постановка данного вопроса необратима в том смысле, что Партия составляет часть того фронта, который организуют другие суперструктуры. Возможен политический фронт с другими силами, если они согласятся с условиями, установленными Партией, чья реальная сила основана на базовой организации. Перейдем теперь к рассмотрению различных фронтов действия.

Необходимо, чтобы фронты действия в различных странах осуществляли свою работу на основе административного принципа, преимущественно на базе коммуны или муниципалитета. В намеченном районе следует создавать фронты действия по месту работы и по месту жительства, *которые будут принимать участие в реальных конфликтах, должным образом определяемых по шкале приоритетов. Это означает, что борьба за немедленные требования не имеет смысла, если она не связана с организационным ростом и определением позиций для дальнейших шагов.* Совершенно ясно то, что любой конфликт должен быть объяснен в прямой увязке с уровнем жизни, здоровьем и образованием населения (вследствие этого, работники просвещения и здравоохранения должны стать сначала сочувствующими, а потом кадрами, необходимыми для прямой организации социальной базы).

Что касается профсоюзных организаций, то здесь наблюдается то же явление, что и в случае с партиями, относящимися к системе. Поэтому здесь можно говорить не о контроле над профессиональным союзом или корпорацией, а о сплочении трудящихся, которые лишают контроля традиционную верхушку. Необходимо добиться осуществления всей системы прямых выборов и общих собраний. От руководителей следует потребовать, чтобы в конкретных конфликтах они занимали позиции, отвечающие требованиям членов профсоюза; в противном случае события выйдут из-под их контроля. И, естественно, фронты действия в профсоюзах должны определять свою тактику, сосредотачиваясь на росте базовой общественной организации.

В конечном счете, функционирование общественных и культурных институтов с опорой на базу является очень важным, так как позволяет, в контексте соблюдения Прав Человека, объединить дискриминируемые или преследуемые коллективы, и придать их деятельности общее направление независимо от частных различий. Тезис о том, что каждый этнос, общность или группа людей, испытывающие дискриминацию, должны стать сильными сами по себе, чтобы противостоять произволу, страдает важным просчетом оценочного характера. Это убеждение основано на идее о том, что "смещение" с чуждыми элементами приведет к потере этими сообществами своей самобытности, в то время как на самом деле их изолированное положение сделает их более открытыми, что позволит с большей легкостью искоренить их. Если же они будут вынуждены занять более радикальную позицию, то этим воспользуются преследователи, чтобы оправдать свои прямые действия, направленные против этих сообществ. **Лучшей гарантией выживания дискриминируемого меньшинства является возможность войти в состав фронта вместе с другими, идущими дорогой борьбы за свои требования в революционном направлении.** Итак, речь идет о системе, если ее рассматривать с глобальной точки зрения, которая создала условия для дискриминации, и они не исчезнут до тех пор, пока не будет преобразован существующий общественный порядок.

4. Революционный процесс и его направление

Мы должны видеть разницу **между** революционным процессом и революционным направлением. С нашей точки зрения, **под революционным процессом понимается совокупность механических условий, порожденных развитием системы.** В этом смысле, подобное развитие создает факторы беспорядка, которые перемещаются, оказывают свое воздействие или, в конечном счете, приводят к полному разрушению схемы. В соответствии с проведенным нами анализом, глобализация, к которой в настоящее время все стремится, демонстрирует вопиющие факторы беспорядка в общем развитии системы. Речь идет о процессе, независимом от волюнтаристских действий групп или отдельных личностей. Мы уже не раз обсуждали этот вопрос. Проблема, поставленная на рассмотрение сейчас, касается именно будущего системы, так как она стремится революционизироваться механическим путем, не прибегая к какой-либо прогрессивной ориентации. Эта ориентация определяется не обстоятельствами, которые порождает система, а зависит от намерений человека. Мы уже разъяснили ранее свою позицию в том, что касается неpassивности человеческого сознания и его главной характерной особенности - не быть простым отражением объективных условий, его способности противостоять подобным условиям и постигать ситуацию будущего, отличную от той, которая переживается в настоящий момент (здесь мы предлагаем обратиться к письму N 4, §§ III, IV и книге «*К вопросу о мышлении*», часть *Историологические дискуссии*, гл. 3, §§ II, III). **В рамках этого типа свободы мы и понимаем революционное направление.**

Применяя насилие, незначительное меньшинство навязывает свои условия социальной общности и устанавливает свой порядок, инерционную систему, которая продолжает развиваться. Если смотреть на вещи под этим углом зрения, то и способ производства и соответствующие общественные отношения; и юридический порядок и господствующая идеология, которые регулируют и оправдывают указанный порядок; и государственный и парагосударственный аппарат, посредством которого осуществляется контроль над всем обществом, - все это является инструментами на службе интересов и намерений

воцарившегося меньшинства. Однако развитие системы механически продолжается еще дальше, чем простираются намерения этого меньшинства, которое борется за все большую концентрацию власти и контроля, порождая новое ускорение в развитии системы, которая постепенно идет к потере своего господства. Таким образом, нарастание беспорядка будет сталкиваться с установленным порядком и вызовет со стороны порядка соответствующую защитную реакцию. В критические периоды во всем обществе будет жестко наводиться порядок с применением всех средств насилия, находящегося в распоряжении системы. И здесь наступает черед самой главной силы, которой располагает система - армии. Однако, так ли уж очевидно, что вооруженные силы будут реагировать традиционным способом во времена, когда система движется к глобальной катастрофе? Если бы это не было так, то поворот, который могут принять современные события, является темой для дискуссии. Достаточно обратиться к последним этапам тех цивилизаций, которые предшествовали нынешней, чтобы понять, что армия поднималась против господствующей власти, раскалывалась на гражданские войны, которые уже раньше намечались в обществе, и была неспособна ввести новое направление в такую ситуацию; в этих условиях система продолжала двигаться к катастрофе. Будем ли говорить о такой же судьбе в современной мировой цивилизации, контуры которой вырисовываются сегодня?

Проблему армии мы обсудим в следующем письме.

Примите мой искренний привет,

Сило

7 августа 1993 г.

Восьмое письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

Как было обещано мной в предыдущем письме, здесь я коснусь некоторых вопросов, относящихся к Вооруженным Силам. Очевидно, что в центре внимания этого письма будут отношения между Вооруженными Силами, политической властью и обществом. В качестве основы я воспользуюсь документом, ставшим предметом обсуждения три месяца назад в Москве (под названием *Необходимость гуманистической позиции в современных Вооруженных Силах*. Международная конференция по вопросу Гуманизации военной деятельности и реформы Вооруженных Сил, проводившаяся под эгидой Министерства Обороны СНГ в Москве 24-28 мая 1993 года). Место армии в революционном процессе - единственный вопрос, при рассмотрении которого я отойду от концепций, изложенных в оригинале документа. Это как раз та тема, которая позволит мне завершить изложение некоторых точек зрения, высказанных ранее.

1. Необходимость нового определения роли Вооруженных Сил

Вооруженные Силы сегодня пытаются определить свою новую роль. Начало этому процессу положили инициативы Советского Союза по пропорциональному и прогрессирующему разоружению, предпринятые в конце 80-х годов. В результате уменьшения напряженности, существовавшей между сверхдержавами, наиболее крупные государства изменили свою концепцию обороны. Несмотря на это, постепенная замена военно-политических блоков (в частности Варшавского Договора) системой отношений, основанной на относительном сотрудничестве, активизировала центробежные силы, что приводит к новым столкновениям в различных точках планеты. Конечно, в течение всего периода "холодной войны" конфликты в ограниченных областях были частыми и нередко продолжительными, но характер современных конфликтов заметно изменился, тая в себе угрозу расширения на Балканах, в мусульманском мире и различных районах Азии и Африки.

Требования об изменении границ, некогда беспокоившие Вооруженные Силы сопредельных стран, сегодня приобретают другое направление в связи с тенденцией к отделению, проявляющейся во внутренней жизни некоторых стран. Различные уровни экономического развития, этнические и языковые различия ведут к изменению границ, которые, как предполагалось, останутся неизменными во время больших миграций населения. Речь идет о группах людей, движимых стремлением бежать от безнадежных ситуаций, или задержать (или изгнать) из определенных областей другие группы, и другие явления показывают, что произошли глубокие изменения, в частности в структуре и концепции Государства. С одной стороны, мы являемся свидетелями процесса экономической и политической регионализации, с другой, наблюдаем растущее разногласие во внутренней жизни стран, идущих к этой регионализации. *Создается впечатление, что национальное Государство, заложенное еще 200 лет тому назад, уже не в состоянии вынести удары, которые наносят сверху мультинациональные силы, а снизу - силы сепаратизма.* Государство, с каждым разом все более зависимое, все более связанное с региональной экономикой и все более вовлекаемое в торговую войну против других регионов, переживает беспрецедентный кризис, теряя контроль над ситуацией. Его основные акты изменены, чтобы создать условия для перемещения капиталов и финансовых ресурсов; его кодексы, гражданские и коммерческие законы устаревают. Видоизменяется даже типовое уголовное законодательство, и сегодня можно незаконно лишить свободы гражданина, осужденного за преступление в другой стране, судьями другой страны и на основе иностранных законов. Таким образом, старая концепция национального суверенитета оказалась ошутимо

ослабленной. Весь политико-юридический аппарат Государства, его институты и персонал, прямо или косвенно задействованный на государственной службе, ощущают воздействие этого общего кризиса. В такой же ситуации находятся и Вооруженные Силы, которым в свое время отвели роль защитника суверенитета и общей безопасности. В условиях, когда приватизируются образование, здравоохранение, коммуникации, природные ресурсы и даже важнейшие сферы безопасности граждан, когда приватизируется имущество и сфера услуг, уменьшается значение традиционного Государства. Надо полагать, что если управление и ресурсы какой-то страны выходят из сферы государственного контроля, то правосудие пойдет по тому же пути и Вооруженным Силам будет отведена роль частной милиции, призванной защищать местные или мультинациональные экономические интересы. В последнее время во внутренней, жизни стран такие тенденции возрастают.

2. Постоянство факторов агрессии на этапе смягчения напряженности

Еще не исчезла агрессивность держав, которые в свое время объявили законченной "холодную войну". Сейчас имеют место нарушения воздушных и морских границ; неосторожные приближения к далеким территориям; вторжение и создание баз; укрепление военных пактов; войны и оккупация иностранных территорий с целью контроля над морскими путями или овладения природными богатствами. События прошлого, связанные с войнами в Корее, Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, с кризисами в Суэце, Берлине и на Кубе, с вторжениями в Гренаду, Триполи и Панаму продемонстрировали миру несоразмерность военных акций, столько раз проводившихся против беззащитных стран, и являются настолько важными, что их следует учитывать, когда мы говорим о разоружении. Эти события приобретают в настоящее время особо опасный характер, поскольку в случаях, подобных войне в Персидском заливе, они происходят на флангах ведущих стран мира, которые могли бы посчитать такие маневры опасными для своей безопасности. Подобные эксцессы имеют вредные последствия, так как усиливают внутренний фронт тех сил, которые считают, что их правительства не могут воспрепятствовать этим маневрам. Это, безусловно, может привести к ухудшению климата международного мира, столь необходимого в настоящий момент.

3. Внутренняя безопасность и военная реорганизация

Что касается внутренней безопасности, то необходимо выделить две проблемы, которые начинают вырисовываться на горизонте ближайших событий; это - социальные взрывы и терроризм.

И если незанятость и увольнения имеют тенденцию к росту в индустриальных странах, возможно, что эти страны станут ареной потрясений и беспорядков. В некоторой степени изменилась картина, которая наблюдалась в предыдущие десятилетия, когда конфликт происходил на периферии, вдали от центра, продолжавшего свое развитие, не испытывая каких-либо потрясений. События, подобные тем, которые произошли в Лос-Анджелесе в минувшем году, могут распространиться за пределы одного города и захватить другие страны. Наконец, терроризм представляет собой большую опасность, учитывая мощь боевого оружия, которым сегодня располагают отдельные лица и относительно специализированные группы. Эта угроза возрастает с учетом того, что могут быть использованы ядерные устройства, легковоспламеняющиеся и молекулярные взрывчатые вещества высокой мощности, а также химическое и бактериологическое оружие, которое имеет ограниченную стоимость и производство которого легко организовать.

Итак, многочисленные тревоги Вооруженных Сил связаны с нестабильной обстановкой в сегодняшнем мире. Кроме того, помимо стратегических и политических проблем, которые они должны принимать во внимание, существуют проблемы внутреннего характера,

касающиеся реорганизации, сокращения значительной части армии, порядка призыва и освобождения от военной службы, обновления материальной базы, технологической модернизации и, в первую очередь, экономических ресурсов. Если глубокое понимание комплекса проблем, о которых мы упомянули, необходимо, то - следует добавить, - ни одна из них не может быть полностью решена, если неясно, какую главную задачу должна выполнять армия. В конце концов, только политическая власть дает свое направление Вооруженным Силам, а они действуют на основе этого направления.

4. Пересмотр концепций суверенитета и безопасности

Согласно традиционной концепции задача охраны суверенитета и безопасности страны возложена на Вооруженные Силы, которые могут применить силу в соответствии с мандатом властей. Таким образом, монополия Государства на применение насилия переходит к армии. Однако здесь возникает первый вопрос, который следует обсудить: что следует понимать под "суверенитетом" и что - под "безопасностью". Если эти понятия, или более современное понятие "прогресс" страны, требуют того, чтобы имелись источники снабжения из других стран; чтобы бесспорно существовало морское судоходство для защиты торговых перевозок; чтобы был установлен контроль над стратегическими пунктами с той же целью и с целью оккупации чужих территорий, то мы имеем дело с теорией и практикой колониализма или неоколониализма. При колониализме задача армии заключалась в том, чтобы прокладывать путь в первую очередь интересам короны, а потом - частным компаниям, которые добивались особых уступок от политической власти в обмен на соответствующие льготы. Незаконность такой системы пытались оправдать неким варварством оккупированных народов, неспособных организовать соответствующую администрацию. Идеология того времени восхваляла колониализм как превосходную "цивилизаторскую" систему.

В эпоху наполеоновского империализма задача армии, которая, между прочим, обладала политической властью, состояла в расширении границ с декламированной целью освободить народы, находящиеся под гнетом тирании, с помощью военных действий и установления административной и юридической системы, законы которой зиждились на принципах Свободы, Равенства и Братства. Соответствующая идеология оправдывала имперскую экспансию, мотивируя это тем, что в ней "нуждается" власть, установленная демократической революцией перед лицом незаконных монархий, основанных на неравенстве и, кроме того, объединявшихся в единый фронт для удушения Революции.

В более близкие к нам времена войну, следуя учению Клаузевица, стали понимать как простое продолжение политики, а Государство, главную движущую силу этой политики, стали рассматривать как аппарат управления обществом, находившемся в определенных географических рамках. Основываясь на этих позициях, подошли к определениям, дорогим сердцу геополитика, в которых границы фигурируют как "кожа Государства". Согласно такой органо-логической концепции "кожа" собирается или растягивается в зависимости от жизненного тонуса страны, и поэтому необходимо расширяться с развитием общества, которое требует "жизненного пространства" из-за демографической или экономической концентрации. При такой перспективе задача армии - завоевывать пространство, как того требует эта политика безопасности и суверенитета, которая стоит выше интересов других пограничных стран. Здесь господствующая идеология провозглашает идею неравенства потребностей, которые испытывают сообщества в зависимости от своих жизненных условий. Этот зоологический взгляд на борьбу за выживание наиболее приспособленных воскрешает в памяти дарвинистские концепции, незаконно перенесенные в политическую и военную практику.

5. Законность и границы действующей власти

В настоящее время имеет хождение многое из тех трех концепций, которых мы коснулись, чтобы показать, как армия зависит от политической власти и действует в соответствии с трактовкой, которую подчас дает власть понятиям безопасности и суверенитета. Таким образом, если функция армии - служить государству по защите безопасности и суверенитета, и если смысл этих двух понятий меняется от правительства к правительству, то Вооруженные Силы должны придерживаться этого курса. Приемлемы ли здесь какие-либо ограничения или исключения? Ясно наблюдаются **два исключения: 1. - Когда политическая власть установлена незаконным путем, и исчерпаны гражданские средства, чтобы изменить эту ненормальную ситуацию и 2. - Когда политическая власть установлена законно, но в процессе выполнения своих функций переродилась в незаконную, и когда исчерпаны гражданские средства, необходимые для изменения ненормальной ситуации. В обоих случаях долг Вооруженных Сил - восстановить нарушенную законность, что эквивалентно продолжению дела, которое не могло быть завершено гражданским путем. В таких ситуациях армия выполняет свой долг перед законностью, а не перед действующей властью.** Речь, таким образом, идет не о том, чтобы поддержать позицию армии, действующей по своему усмотрению, а о том, чтобы устранить нарушения законности, допущенные действующей властью преступного происхождения или превратившейся в преступную. Необходимо задать следующий вопрос: каковы истоки законности, и каковы ее характеристики? Ответим, что законность идет от народа, именно он определяет тип Государства и тип основных законов, которым должны подчиняться граждане. И в критической ситуации, когда народ решил бы изменить существующий тип Государства и тип законов, то он сам и должен был бы сделать это, и не может быть ни государственной структуры, ни системы законов, которые стояли бы выше этого решения. Этот тезис подводит нас к рассмотрению вопроса о революции, который мы обсудим ниже.

6. Ответственность армии перед политической властью

Необходимо подчеркнуть, что армия должна формироваться из числа граждан, несущих ответственность за выполнение своего долга перед лицом законно установленной власти. И, если законная власть функционирует на демократической основе, когда уважается свободное право большинства избирать и переизбирать народных представителей; когда уважаются права меньшинств, установленные законом; уважается разделение и независимость властей, тогда Вооруженные Силы не должны рассуждать об удачах или ошибках данного правительства. В случае же установления незаконного режима, Вооруженные Силы не могут механически поддержать его, ссылаясь на "вынужденное повиновение" этому режиму. Даже когда дело дойдет до международного конфликта, Вооруженные Силы не могут осуществлять политику геноцида, следуя инструкциям власти, которую лихорадит в ненормальной ситуации. Потому что, если Права Человека не ставятся выше любого другого Права, то непонятно, для чего тогда существует социальная организация и Государство. И никто не может сослаться на "вынужденное повиновение", когда речь идет об убийствах, пытках и деградации человека. Если чему-нибудь и научили нас судебные процессы, проведенные сразу же после окончания Второй мировой войны, так это тому, что вооруженный человек несет ответственность просто как человек, даже в экстремальных ситуациях военного конфликта.

При рассмотрении этой темы может возникнуть вопрос: не является ли армия тем институтом, чья подготовка, дисциплина и вооружение превращают ее в главный фактор разрушения? Ответим, что еще задолго до того, как создалась нынешняя ситуация вопрос ставился таким же образом и что, несмотря на отвращение, которое мы питаем ко всем формам насилия, мы не можем говорить об упразднении армии или об одностороннем разоружении, что может создать пустоты, которые будут заполнены другими агрессивными

силами. Мы уже упоминали об этом раньше, когда касались темы нападений на незащищенные страны. ***Именно Вооруженные Силы должны выполнить важную миссию, не преграждать путь философии и практике пропорционального и прогрессирующего разоружения, убеждая товарищей из других стран в необходимости действовать в этом же направлении и ясно сознавая, что задача армии в сегодняшнем мире заключается в том, чтобы не допустить катастроф и порабощения других людей, которые могут иметь место при выполнении приказов незаконных правительств, не отвечающих воле народа.*** Таким образом, главнейшая служба, которую Вооруженные Силы могут сослужить своим странам и всему человечеству, будет заключаться в том, чтобы исключить саму возможность возникновения войн. Такая постановка вопроса, которая могла бы показаться утопической, в настоящее время опирается на силу фактов, демонстрирующих, каким малорациональным и опасным для всех является возрастание глобальной или односторонней военной мощи.

Я хотел бы вернуться к вопросу об ответственности армии, приведя пример совершенно другого характера. Во времена "холодной войны" на Западе неоднократно применялся двойной подход: с одной стороны, НАТО и другие блоки были образованы, чтобы поддерживать образ жизни, которому угрожал советский и в некоторых случаях китайский коммунизм. С другой стороны, предпринимались военные действия в далеких регионах, чтобы защитить "интересы" держав. В Латинской Америке государственный переворот, осуществленный армией в какой-либо стране, был предпочтительнее, чем угроза внутреннего взрыва. Вооруженные Силы там переставали соответствовать политической власти и поднимались против всякого Права и всякой Конституции. Практически весь континент был милитаризован в соответствии с так называемой "Доктриной Национальной Безопасности". Следы смерти и отставания, которые оставляли после себя диктатуры тех времен, были своеобразно оправданы тем, что была отдана целая серия приказов, основанных на идее "вынужденного повиновения". С помощью этой идеи объяснялось, что армейская дисциплина предусматривает исполнение приказов непосредственного начальства. Такая постановка вопроса, заставляющая вспомнить попытки оправдать нацистский геноцид, представляет собой обстоятельство, которое следует иметь в виду при обсуждении границ военной дисциплины. Наша точка зрения по поводу этого конкретного вопроса, как уже отмечалось, состоит в том, что если армия порывает с зависимостью от политической власти, она превращается в нерегулярную силу, в вооруженную банду, находящуюся вне закона. Этот вопрос совершенно ясен, но существует исключение; выступление армии против политической власти, установленной незаконным путем или оказавшейся в положении незаконной власти. Вооруженные Силы не могут ссылаться на "вынужденное повиновение" незаконной власти, потому что они превращаются в опору этого беспорядка так же, как и в других обстоятельствах Вооруженные Силы не могут осуществлять военный переворот, игнорируя свой долг выполнять волю народа. Это то, что касается внутренних вопросов, а когда осуществляются внешние военные акции, Вооруженные Силы не могут действовать против гражданского населения вражеской страны,

7. Перестройка армии

Что касается порядка призыва граждан в армию, то мы считаем целесообразным заменить обязательную военную службу на добровольную. Эта система позволит улучшить профессиональную подготовку солдат. Однако такое численное ограничение армии будет сопровождаться значительным сокращением рядового и командного состава. Ясно, что необходимая реорганизация не будет произведена, если не будут приняты во внимание личные семейные и социальные проблемы, которые неминуемо будут возникать во многих

слишком разросшихся армиях. Новое трудовое и географическое размещение, социальная адаптация этих контингентов будут сбалансированными, если в течение времени, необходимого для того, чтобы определиться на новом месте, военные будут занимать гибкую позицию. При реорганизации, осуществляемой сегодня в различных частях мира, необходимо иметь в виду в первую очередь тип государства, в котором она проводится. Естественно, унитарная система имеет иные характеристики, нежели федеративная, или система различных стран, сливающихся в региональное сообщество. Мы высказываемся в пользу федеративной и открытой для региональной конфедерации системы и считаем, что для составления правильного плана реорганизации, необходимы постоянные и прочные компромиссы, которые обеспечили бы непрерывность проекта. Если не будет существовать ясная воля сторон в этом направлении, реорганизация окажется невозможной, поскольку экономический вклад каждой составляющей будет подвержен случайным политическим колебаниям. При таком положении вещей федеральные войска смогут существовать только формально, и военные контингенты будут простой суммой потенциала каждого сообщества, входящего в федерацию. Это создает также трудно разрешимые проблемы единого командования. В конце концов, политическая ориентация определит направление действий, и в такой ситуации Вооруженные Силы потребуют очень точного и согласованного руководства.

Проблему относительной важности в реорганизации представляют собой некоторые моменты, касающиеся органов безопасности. Органы безопасности, если они не военизированы, действуют в соответствии с установленным внутренним порядком с целью защиты граждан, хотя обычно они используются в операциях по контролю, весьма далеких от той цели, ради которой создавались. Организационная схема, в которую они включаются во многих странах, делает их напрямую зависимыми от политических ведомств, таких как Министерство Внутренних Дел, которое отличается от Военного Министерства или от Министерства Обороны. В то же время полиция, понимаемая как орган, несущий службу по соблюдению гражданских прав и следящий за тем, чтобы соблюдался юридический порядок, не наносящий ущерба жителям страны, носит характер вспомогательной службы и находится под юрисдикцией Судебной власти. Однако нередко ввиду своего характера государственной силы она осуществляет операции, которые в глазах населения делают ее выступающей в роли военных. Ясно ощущается неудобство такого смешения, и в интересах Вооруженных Сил, чтобы эти различия оставались четкими. Нечто подобное происходит с различными государственными органами, которые манипулируют секретными и информационными службами, накладывающимися одна на другую и не имеющими ничего общего с военным режимом. Армия нуждается в соответствующей системе информации, которая позволила бы ей эффективно действовать и которая ни в чем не была бы похожей на механизмы контроля и слежки за гражданами, потому что задача армии связана с безопасностью Нации, а не идеологическим одобрением или осуждением деятельности очередного правительства.

8. Место армии в революционном процессе

Предполагается, что при демократическом строе первоисточником власти является суверенитет народа. Для создания как Государства, так и зависящих от него органов служит тот же первоисточник. Таким образом, армия выполняет функцию, которую ей поручает государство, по защите суверенитета и обеспечению безопасности жителей страны. Конечно, могут происходить и отклонения от истинного пути, когда армия или кучка заговорщиков незаконно захватывают власть, чему мы уже были свидетелями. Однако, как мы уже упоминали, может возникнуть и экстремальная обстановка, когда народ решил бы изменить тип Государства и тип законов, то есть тип всей системы. В этом случае сам народ должен был бы сделать это, и не может 'быть ни государственной структуры, ни системы законов,

которые стояли бы выше этого решения. Несомненно, конституции многих стран предусматривают возможность того, что сами они когда-нибудь будут изменены решением народа. Таким образом, могли бы произойти революционные изменения, в результате которых формальная демократия уступила бы место демократии реальной. Однако, если эта возможность будет заблокирована, то тем самым будет уничтожена основа, на которой зиждется всякая законность. При подобных обстоятельствах и когда уже исчерпаны все гражданские средства, армия обязана выполнить волю народа, требующего перемен, и сместить группировку, уже незаконно занимающуюся управлением государственными делами. Таким образом, с помощью вмешательства армии, можно было бы прийти к созданию революционных условий, в которых народ создаст новый тип социальной организации и новый юридический режим. **Нет необходимости подчеркивать различия между военным вмешательством, имеющим целью вернуть народу его поправленный суверенитет, и обычным военным переворотом, нарушающим законность, установленную по воле народа.** Что касается тех же самых идей, то законность требует, чтобы воля народа уважалась даже в случае, если он намерен совершить революционные преобразования. Почему бы большинству не выразить свое желание изменить структуру? И еще: Почему бы не предоставить меньшинству возможность работать на политическом поприще для достижения революционного изменения общества? **Отказ (посредством применения, репрессий и насилия) в праве на революционные перемены серьезно компрометирует законность системы в современных формальных демократиях.**

Необходимо заметить. Что мы не касались вопросов стратегии и военной доктрины, ни также вопросов технологии и военной организации. Иначе и быть не может. **Мы определили гуманистическую точку зрения в отношении Вооруженных Сил, связанных с политической властью и с обществом.** Именно военным людям предстоит проделать громадную теоретическую и практическую работу, чтобы адаптировать схемы к столь специфическому моменту, который сейчас переживает мир. Мнение общества и естественная заинтересованность Вооруженных Сил в том, чтобы знать это мнение, пусть даже непрофессиональное, имеют огромное значение. Наряду с этим живые связи между военнослужащими армий различных стран и откровенная дискуссия с гражданским обществом - важный шаг на пути признания плюрализма взглядов. Мнение о том, что армии изолированы друг от друга, а отношение к народным требованиям пренебрежительное, относятся к тем временам, когда обмен людьми и визитами на объекты был ограничен. Сейчас мир изменился, он изменился и для Вооруженных Сил.

9. Соображения по поводу армии и Революции

Сегодня преобладают две точки зрения, которые представляют особый интерес. Согласно первой точке зрения, время революций прошло; согласно второй, ведущая роль армий в принятии политических решений сокращается. Высказывается также мнение, что только в некоторых отсталых или дезорганизованных странах эти помехи прошлого продолжают представлять угрозу. С другой стороны, высказывается мысль, что система международных отношений, с каждым днем приобретая все более прочный характер, будет оказывать свое воздействие на эти старинные аномалии до тех пор, пока с ними не будет покончено. По вопросу о революциях, как уже было сказано, у нас диаметрально противоположная точка зрения. Относительно того, что ансамбль "цивилизованных наций" собирается навязать Новый Порядок, в котором не будет места военному решению, - то это тема для дискуссии. Мы подчеркиваем, что **именно в государствах и регионах, приобретающих имперский характер, революции и решения армии еще дадут себя почувствовать. Рано или поздно с каждым разом все более концентрирующиеся силы капитала столкнутся с народным большинством, и в этой ситуации банки и армия окажутся по разные стороны баррикад.** Итак, мы оказались в положении антиподов в интерпретации исторических

процессов. Только будущее, уже ближайшее, докажет правильность понимания фактов, которые для некоторых, следующих традициям последних лет, кажутся "невероятными". Что они, придерживающиеся этих взглядов, скажут, когда это произойдет? Может быть, что человечество вернулось в прошлое, или еще более грубо, что "мир погрузился в хаос". Мы думаем, что такие явления как растущий иррационализм, усиление религиозности и тому подобные не остались в прошлом, а относятся к новому этапу, и их надо встретить лицом к лицу со всем интеллектуальным мужеством и со всей человеческой терпимостью, на которые мы только будем способны. Бессмысленно поддерживать убеждение, что современный мир является лучшей моделью развития общества. Гораздо важнее понимать, что ситуация, переживаемая нами, напрямую ведет к катастрофе всей системы, которую некоторые считают дефектной, но которую "можно улучшить". Нет такой современной системы, которую "можно улучшить". Наоборот, в ней концентрируется крайняя бесчеловечность всех тех факторов, которые накапливались на протяжении многих лет. Если кто-то сочтет эти утверждения безосновательными, у него есть полное право считать так, если со своей стороны он может изложить какую-либо последовательную позицию. И если кто-то думает, что наша позиция пессимистична, то мы утверждаем, что в ходе этого негативного механического процесса возобладает направление к гуманизации мира, которая получит импульс в результате Революции, к свершению которой придут огромные человеческие сообщества, в настоящее время лишенные своей собственной судьбы.

Примите мой искренний привет.

Сило
10 августа 1993 г.

Девятое письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

Я получаю много писем, в которых меня спрашивают: "Что сейчас происходит с правами человека?" Лично я не могу дать точный ответ на этот вопрос. Я полагаю, что это скорее должны знать те, кто подписал Всемирную Декларацию о правах человека. А именно, более 160 государств нашей планеты. Эти государства 10 декабря 1948 года (или несколько позднее) подписали этот документ, выработанный в рамках Объединенных Наций. Все понимали, о чем идет речь, все взяли на себя обязательства защищать провозглашенные права. Был также подписан Хельсинский Договор, и страны назначили своих представителей в комиссии по правам человека и международные трибуналы.

1. Нарушения Прав Человека

Если все происходящее в этой области последнее время мы будем рассматривать как повседневную хронику событий, то мы должны вновь поставить вопрос и сформулировать его следующим образом: "Что за лицемерную игру проводят правительства в области прав человека?" Было бы достаточно в минимальной степени ознакомиться с сообщениями информационных агентств, газет, журналов, радио и телевидения, чтобы ответить на этот вопрос. В качестве примера возьмем последний доклад Международной Амнистии (только за 1992 год) и в сжатом виде изложим некоторые приведенные данные.

Количество нарушений прав человека увеличилось, в мире в связи с разразившимися катастрофами как, например, с войнами в Югославии и Сомали. Осужденные за убеждения имеются в 62 странах. Подвергались пыткам со стороны государственных структур люди в 110 странах. Имели место политические убийства с санкции правительств в 45 странах. Война в Боснии-Герцеговине явила собой яркий пример злоупотреблений и убийств, совершенных всеми сторонами против десятков тысяч граждан, которых убивали, пытали и морили голодом, часть - лишь по этническим соображениям. В других пунктах, как, например, в Таджикистане и Азербайджане, наблюдались такие же явления. В значительной степени •участились случаи пыток и издевательств со стороны сил безопасности в Германии, Франции, Испании, Португалии, Румынии и Италии. В этих случаях расовая принадлежность жертв играла важную роль. В Великобритании, Испании и Турции вооруженные группы оппозиции также допустили серьезные нарушения прав человека. В США был казнен 31 человек (максимальное количество с 1977 года, когда была восстановлена смертная казнь). Тысячи безоружных гражданских лиц были убиты за этот период в Сомали. Силы безопасности и "эскадроны смерти" убили в Латинской Америке около 4 тысяч человек. В Венесуэле были произведены десятки арестов и казней политических заключенных во время отмены конституционных гарантий после попыток государственного переворота 4 февраля и 27 ноября. На Кубе заключены в тюрьмы по политическим мотивам около 300 человек, причем не разрешается въезд в страну международных наблюдателей Амнистии; кроме того, также не имелось возможности проверить точность имеющихся данных. В Бразилии полиция убила 111 человек во время тюремного бунта в Сан-Паулу. Кроме того, в самом городе Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и в других пунктах страны сотни детей и других "нежелательных элементов" были казнены. В Перу 139 человек пропали, и другие 65 без судебного разбирательства были казнены силами безопасности. Были получены сведения о массовых издевательствах в горных сельскохозяйственных районах и около 70 человек были приговорены к пожизненному заключению судами, созданными в нарушение

законодательства. Вооруженные оппозиционные группы также убили несколько десятков человек в различных пунктах страны. В Колумбии неоднократные сообщения о нарушении прав человека были опровергнуты президентским советом. Эти сообщения приписывались политической оппозиции, заинтересованной в искажении политической реальности в стране. Однако Амнистия сообщила, что вооруженные силы и военизированные группы казнили без судебного разбирательства по меньшей мере 500 человек, в то время как вооруженные группы оппозиции и организации наркобизнеса убили около 200 человек. Амнистия сообщила также, что борьба против исламских активистов привела к ухудшению обстановки в области прав человека в различных арабских странах, например, в Алжире и Египте. Попытки, незаконные процессы, политические убийства, "исчезновение людей" и другие грубые нарушения были совершены правительственными агентами на всем Среднем Востоке. В Египте принятие нового законодательства "облегчило" применение пыток в отношении политических заключенных, и 8 исламских активистов, подозреваемых в том, что они являются членами вооруженной группы, были приговорены к смерти военным трибуналом "после небеспристрастного процесса". В Алжире до 10 тысяч человек без предъявления обвинения или судебного разбирательства были помещены в изолированные лагеря, находящиеся в пустыне. В свою очередь группы фундаменталистов заявили о своей ответственности за убийства гражданских лиц и за серьезные нарушения прав человека в Алжире и Египте, а также на территориях, оккупированных Израилем. Содержание под стражей без судебного разбирательства, в частности, имеет место в Сирии, а также в Израиле, Ливии, Ираке, Кувейте, Саудовской Аравии, Марокко и Тунисе. В Китае Амнистия обратила внимание на количество заключенных "за убеждения" и на наличие приговоров, вынесенных в отношении политических активистов без предварительного судебного разбирательства.

Газетные агентства различной ориентации опубликовали карты мира, на которых фигурируют десятки стран, нарушающих права человека, и другие страны с указанием числа погибших в религиозных и межэтнических войнах. На картах также указаны различные пункты, в которых тысячи людей погибли у себя на родине от голода или в результате больших миграций. Но вышеизложенное не исчерпывает тему прав человека и, следовательно, тему нарушений, которым они подвергаются.

2. Права Человека, мир и гуманизм как предлог для интервенции

Сегодня с новой силой заговорили о правах человека. Однако изменены эмблемы тех, кто поднимает эти знамена. В прошлые десятилетия прогрессивное учение активно работало в защиту принципов, единодушно выработанных государствами. Конечно, не было недостатка в диктатурах, которые, прикрываясь этими правами, насмехались над потребностями людей, а также их личной и коллективной свободой. Некоторые из них заявляли, что пока не обсуждается господствующая система, граждане будут иметь жилища, работу, блага, связанные со здравоохранением и образованием. Само собой разумеется, говорили они, что не следует путать свободу с вседозволенностью, а "вседозволенностью" было обсуждение режима.

В настоящее время правые подхватывают эти знамена и активно используют их для защиты прав человека и мира, особенно в тех странах, где им не обеспечено полного господства. Используя некоторые международные механизмы, они организуют интервенционистские силы, способные проникнуть в любую точку земного шара с тем, чтобы навязать справедливость. В первую очередь они поставляют медикаменты и продукты питания, чтобы затем совершить вооруженную агрессию против населения, поддерживая группировку, которая им легче подчинилась бы. Вскоре любой деятель пятой колонны сможет заявить, что в его стране нарушается мир, и попираются права человека, чтобы попросить

помощи у интервенционистов. В действительности, примитивные договоры и пакты о взаимной обороне усовершенствованы с помощью документов, которые легализуют действия "нейтральных" сил. Так сегодня насаждается старая, но омоложенная, Pax Romana. В конечном счете, это - орнитологические трюки, когда начинают с изображения орла на знаменах легионеров, который затем превращается в голубя Пикассо, и сегодня дело дошло до того, что у пернатого выросли когти. Он уже возвращается не в библейский ковчег, неся оливковую ветвь, а в ковчег других ценностей, неся доллар в своем твердом клюве.

Все это соответствующим образом сопровождается трогательной аргументацией. И в отношении этого надо быть осторожными, поскольку *даже когда осуществляется интервенция в третьи страны по очевидным для всех гуманитарным соображениям, будут созданы прецеденты, чтобы оправдать новые акции совсем не по гуманитарным и совсем не очевидным для всех соображениям.* Необходимо отметить, что как следствие процесса единения мира возрастает военная роль Объединенных Наций, что таит в себе немалые опасности. Манипуляции с концепциями мира и международной солидарностью создают еще одну угрозу суверенитету и самоопределению народов.

Оставим тему мира для будущих времен и немного подробнее рассмотрим вопрос о правах человека, которые, как мы все знаем, не ограничиваются вопросами "убеждений", политических свобод и свободы выражения. Защита этих прав также не сводится к тому, чтобы не допустить преследований, заключения в тюрьму и убийств людей по той причине, что они в своих взглядах расходятся с данным режимом. Другими словами, она не ограничивается защитой людей от прямого физического насилия, которое могло бы быть применено по отношению к ним. В этом вопросе есть много неясного и написано много бессистемных работ, однако основные идеи оказались воплощенными в Декларации.

3. Другие Права Человека

В статье 2.1. Декларации говорится: "Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения." Некоторые из провозглашенных прав изложены следующим образом: Статья 23.1. "Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы"; Статья 25.1. "Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам."

В основе статей, подписанных государствами - членами ООН, лежит концепция равенства и универсальности прав человека. Ни в самом духе, ни в текстовом изложении Декларации не заложены, например, такие условия: "... эти права будут соблюдаться *в том случае, если это не* нанесет ущерба показателям макроэкономики". Или: "... эти права будут соблюдаться, *когда* общество придет к изобилию." Тем не менее, имеется возможность исказить смысл изложенного, апеллируя к статье 22: "Каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и *в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства*". В этом

отрезке "... в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства" разжижается эффективное соблюдение прав, и это вынуждает нас прямо перейти к рассмотрению экономических моделей.

Представим себе какую-либо страну с развитой структурой и достаточными ресурсами, которая вдруг входит в систему свободной рыночной экономики. В этой ситуации государство постарается стать простым "администратором", а частное предприятие будет заботиться о развитии своего бизнеса. Бюджетные статьи, касающиеся здравоохранения, образования и социального обеспечения, будут в нарастающей степени сокращаться. Государство перестанет быть структурой, оказывающей помощь, и как следствие не будет нести ответственность за создавшуюся ситуацию. Частное предприятие также не должно брать на себя эти проблемы, так как законы, которые могли бы заставить его защищать эти права, будут изменены. Предприятие будет вступать в конфликт даже с законодательством, касающимся создания благоприятных для здоровья условий и безопасности на производстве. Однако идея и спасительная практика приватизации здоровья вынудит предприятие заполнить вакуум, оставленный на предыдущем этапе переходного периода. Эта схема будет воспроизводиться во всех других областях по мере того, как будет развиваться частный сектор, который предложит свои действенные услуги тем, кто сможет их оплатить, в результате чего нужды 20 процентов населения будут удовлетворены. Кто же тогда защитит права человека на основе концепции равенства и универсальности, если они будут осуществляться *"в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства"*! Поскольку совершенно ясно, что "чем меньше будет государство, тем более процветающей будет экономика этой страны", как утверждают защитники этой идеологии. В такого рода дискуссии легко можно перейти от идиллической декламации о "всеобщем изобилии" к демонстративной жестокости, которую в ультимативной форме можно сформулировать примерно следующим образом: "Если законы ограничивают капитал, он покинет страну, не будут осуществляться капиталовложения, не будет ни международных займов, ни рефинансирования старых долгов, в связи с чем сократится экспорт и производство и, в конечном итоге, будет поставлен под угрозу общественный порядок." Таким образом, совершенно просто будет изложена одна из многочисленных схем вымогательства. Если все то, о чем мы говорим, применимо к ситуации страны с достаточными ресурсами, движущейся к свободной рыночной экономике, то нетрудно представить себе, насколько осложнятся условия, когда страна не будет располагать основными структурными и ресурсными реквизитами. Как это предусматривает Новый Мировой порядок и с учетом взаимозависимости экономик, ***во всех странах (богатых или бедных) капитал будет посягать на концепцию равенства и универсальности прав человека.***

Эту дискуссию нельзя проводить на основе строго грамматических терминов статьи 22, поскольку в ней (и во всей Декларации Прав Человека) экономические ценности не ставятся выше человека, что могло бы сделать его права относительными. Несправедливо также вводить тангенциальные аргументы, объясняя, что, поскольку экономика является основой социального развития, необходимо все усилия сосредоточить на показателях макроэкономики, с тем чтобы по достижении изобилия можно было заняться соблюдением прав человека. Это так же прямолинейно глупо, как если бы мы сказали: "Поскольку общество подчиняется закону гравитации, необходимо сконцентрироваться на этой проблеме, и когда она будет решена, поговорим о правах человека." В здоровом обществе гражданам не приходится заниматься строительством в неблагоприятных условиях, поскольку они гипотетически знают законы гравитации, и точно так же все хорошо знают, что такое экономические законы и важность их точного соблюдения ***во имя*** жизни человека. Во всяком случае, все это детали, которые не являются главной темой.

Рассмотрение проблемы о правах человека не ограничивается вопросами работы, оплаты труда и оказания помощи, как в свое время не ограничивалось вопросами свободы совести и права на свободное выражение политических взглядов. Мы отметили некоторые недостатки в тексте Декларации, но при этом должны согласиться с тем, что если все правительства будут скрупулезно выполнять ее статьи, в мире произойдут очень важные положительные изменения.

4. Универсальность Прав Человека и культурный тезис

Существуют различные концепции о человеке, и это разнообразие точек зрения зачастую основывается на различных культурах, с позиции которых рассматривается реальность. То, о чем мы сейчас говорим, в широком смысле касается вопроса о правах человека. В самом деле, наряду с идеей об универсальности человека с одними и теми же правами и с одними и теми же функциями во всех обществах, сегодня выдвигается "культурный" тезис, с помощью которого отстаивается другая точка зрения по этому вопросу. Так сторонники этой точки зрения считают, что предполагаемые универсальные права человека не что иное, как обобщение точки зрения, которой придерживается Запад, безосновательно претендующей на универсальность. Обратимся, например, к статье 16.1. "Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения"; 16.2. "Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон."; 16.3. "Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства." Эти три пункта статьи 16 очень трудно интерпретировать и применить к различным культурам, начиная с Ближнего и Среднего Востока и кончая Азией и Африкой. Другими словами, эти трудности затрагивают большую часть человечества. В этом большом и разнообразном мире даже понятия о браке и семье не совпадают с параметрами, которые Западу кажутся столь "естественными". Поэтому эти понятия и универсальные права человека в части их касающейся являются предметами дискуссии. Нечто подобное происходит при рассмотрении концепции Права вообще и правосудия. Если мы проанализируем вопросы наказания и реабилитации преступников, то заметим, что здесь нет согласия даже среди стран одного и того же западного культурного контекста. Поддержка точки зрения об универсальности собственной культуры может привести к откровенной уродливо-комической ситуации. Так, отсечение руки у вора (в соответствии с законом), что практикуется в некоторых арабских странах, в Соединенных Штатах рассматривается как покушение на универсальные права человека, в то время как проводятся академические дискуссии относительно того, какой способ приведения в исполнение смертного приговора является более гуманным: цианистоводородный газ, электроразряд в 2000 вольт, смертельная инъекция, повешение или другое "похоронное наслаждение". В то время как в этой стране большая часть общества выступает против применения смертной казни, в упомянутых странах имеются многочисленные противники применения физических мер наказания преступников. Сам Запад в связи с изменением обычаев и привычек попал в затруднительное положение в связи с необходимостью защищать свою традиционную идею "естественной" семьи. Может ли существовать сегодня семья с приемными сыновьями? Конечно, да. Может ли существовать семья, в которой пара состоит из представителей одного и того же пола? Законодательства некоторых стран уже допускают это. Что тогда определяет семью: ее "естественный" характер или добровольное обязательство выполнять определенные функции? На каких соображениях будет основываться преимущество моногамной семьи

некоторых культур над полигамной или полиандрической семьей других культур? Если в этом суть дискуссии, то можно ли продолжать говорить о праве, универсально применимом к семье? Какие права человека должны, и какие не должны защищаться этим институтом? Ясно, что вопрос о диалектической связи между тезисом об универсальности (мало универсальным в своей собственной зоне) и "культурным" тезисом не может быть решен в рамках проблемы семьи (которую я взял в качестве одного из многих возможных примеров) и очень боюсь, что он также не будет решен применительно к другим областям жизни общества. Прямо скажем так; здесь поставлена на карту глобальная концепция о человеке, недостаточно обоснованная всеми противоборствующими позициями. Необходимость такой концепции очевидна, поскольку ни право вообще, ни права человека в частности не смогут превалировать, если не будет разъяснен более глубоко смысл этой концепции. Уже речь не идет о постановке в абстрактной форме основных вопросов права. ***Речь идет: или о правах, которые, чтобы быть действенными, зависят от установленной власти, или о правах как надеждах на выполнение.*** Об этом мы в свое время сказали следующее (см. «Гуманизировать жизнь на Земле», глава *Человеческий пейзаж*, раздел *Закон*); "Люди практичные не завязли в теоретических изысканиях и заявили, что необходим закон для поддержания социального сосуществования. Говорилось также о том, что цель закона - защищать интересы тех, кто его устанавливает. Судя по всему, при определенной ситуации сначала устанавливается власть, которая создает определенный закон; последний в свою очередь легализует эту власть. Поэтому власть как осуществление намерения, апробированного или отвергнутого, является центральной темой. Говорят, что сила не порождает права, но такая мысль может быть принята только при условии, что сила понимается как грубое физическое действие; а между тем в действительности нет необходимости силу (экономическую, политическую и т.д.) выражать в ощутимой манере, чтобы ее присутствие стало очевидным и вызвало уважение. С другой стороны, даже физическая сила (например, сила оружия), воплощенная в прямой угрозе, приводит к возникновению ситуаций, которые оправдываются законными путями; и мы должны знать, что применение оружия в том или ином направлении зависит от намерений человека, а не от права..." И далее: "Нарушивший закон игнорирует ситуацию, существующей в настоящее время, и тем самым ставит свое будущее в зависимость от решений других людей. Но безусловно, "настоящее", в котором закон начинает действовать, уходит корнями в прошлое. Обычай, мораль, религия или социальное согласие, как правило, являются теми источниками, которые призваны оправдать наличие закона. В свою очередь, все они зависят от власти, установившей закон. Эти источники пересматриваются, когда власть, их породившая, утрачивает свою силу или изменяется настолько, что сохранение предшествующего юридического порядка начинает входить в противоречие с "рациональностью", "общим здравым смыслом" и т.д. Когда законодатель изменяет закон, или же группа представителей народа изменяет конституцию страны, внешне закон не нарушается, поскольку те, кто это делает, не подчиняются решению других, поскольку в их руках власть, или они действуют как представители власти; и в подобной ситуации ясно, что именно она, власть, наделяет правами и обязанностями, а не наоборот". Закончу цитату следующим отрывком: ***"Права Человека не обладают универсальной силой, что было бы желательно, поскольку они зависят не от универсальной власти человека, а от власти одной части людей над всеми остальными.*** И если самые элементарные требования человека об управлении своим собственным телом попираются на всех широтах, то мы можем говорить только о стремлениях, которые должны превратиться в права. ***Права Человека не принадлежат прошлому, они скорее относятся к будущему, вдохновляя людей в их намерениях, подпитывая борьбу, которая активизируется при каждом новом насилии над судьбой человека. Поэтому столь важны***

любые требования в защиту этих прав, ибо таким образом власть предрержащим дают понять, что они отнюдь не всеильны и не имеют контроля над будущим".

Что касается нашей основной концепции о человеке, то нет необходимости возвращаться к этому, ни вновь утверждать, что признание нами реальностей различных культур не означает отрицания наличия общей человеческой структуры в историческом будущем и в направлении, ведущем к единой цели. Борьба за создание единой общечеловеческой нации является также борьбой каждой культуры за действенность прав человека, принимающих все более четкие очертания, Если какая-либо культура вдруг отречется от права на полнокровную жизнь и на свободу и поставит выше человека другие ценности, то это может произойти из-за того, что там что-то нарушилось, что-то находится в противоречии с общей судьбой, и тогда такое проявление культуры *в этом конкретном, пункте* должно быть в ясной форме отвергнуто. Конечно, мы имеем дело с несовершенными формулировками прав человека, но это пока единственное, что мы имеем в наших руках, что надо защищать и совершенствовать. ***Эти права мы сегодня рассматриваем как простые чаяния; они не могут стать полностью действенными, учитывая их зависимость от ныне установленной власти. Борьба за полную действенность прав человека неизбежно приводит к постановке вопроса о смене нынешних властей, и действия должны быть ориентированы в направлении замены этих властей властями нового человеческого общества.***

Примите мой искренний привет.

Сило
21 ноября 1993 г.

Десятое письмо моим друзьям

Дорогие друзья!

Какова судьба нынешних событий? Оптимисты считают, что мы вступаем в мировое общество изобилия, в котором социальные проблемы будут решены - судьба рая на Земле, Пессимисты полагают, что нынешние симптомы свидетельствуют о прогрессирующей болезни институтов, групп людей и даже демографической и экологической системы в целом - судьба ада на Земле. Те, кто рассматривает процесс исторического развития с позиций относительности, все ставят в зависимость от линии поведения, которой мы будем придерживаться в настоящее время - рай или ад будут зависеть от наших действий. Конечно, есть люди, которых ни в малейшей степени не интересует, что произойдет не с ними, а с другими.

Среди множества мнений, как нам кажется, важной является мысль о том, что будущее зависит от того, что мы будем делать сегодня. Однако и даже в этом отношении высказываются различные мнения. Одни говорят, что поскольку нынешний кризис вызван алчностью банков и мультинациональных компаний, они, дойдя до рубежа, опасного для их интересов, запустят механизмы возмещения потерь, как это происходило раньше. Что касается действий, то они будут способствовать постепенной адаптации к процессам реконверсии капитализма на благо большинства. Другие, наоборот, указывают, что не стоит существующую ситуацию ставить в зависимость от волюнтаризма меньшинства и поэтому следует выразить волю большинства посредством политических действий и объяснить народу, что его грабит господствующая система. По их мнению, придет время всеобщего кризиса системы, и эта ситуация должна быть использована в интересах дела революции. Еще дальше пошли те, кто считает, что как капитал, так и труд, различные культуры, страны, формы организации, артистические, творческие и религиозные течения, группы людей и даже отдельные индивидуумы втянуты в неконтролируемый процесс технологического ускорения и разрушения структур. Речь идет о длительном историческом процессе, который порождает нынешний всеобщий кризис и затрагивает все политические и экономические схемы, причем от этих последних не зависят ни всеобщая дезорганизация, ни всеобщее восстановление. ***Защитники этой структурной точки зрения настаивают на том, что необходимо добиваться глобального понимания этих явлений и одновременно предпринимать действия в минимальных областях с учетом специфических особенностей общества, групп людей и отдельных индивидуумов.*** Учитывая то обстоятельство, что мир взаимосвязан, ***они выступают не за постепенное достижение успеха, на протяжении определенного периода времени, а за осуществление серии "демонстративных эффектов", достаточно энергичных, чтобы добиться изменений общего течения процесса.*** Как следствие, они высоко оценивают конструктивную способность человека трансформировать экономические отношения, изменить институты и неустанно борются за ликвидацию всех факторов, которые заводят в тупик. Мы поддерживаем такую постановку вопроса. Ясно, что как эта точка зрения, так и предыдущие изложены в упрощенной форме, и кроме этого опущены множественные варианты, связанные с каждой из них.

1. Разрушение структур и его границы

Целесообразно определить границы разрушения политических структур, которое, как кажется, не остановится пока не дойдет до социальной базы и до отдельного человека. Обратимся к примерам. В некоторых странах в большей степени, чем в других, становится

очевидной потерей централизованной политической власти. Может, получится так, что в связи с укреплением автономий или давлением сепаратистских течений определенные заинтересованные группы или просто оппортунисты вознамерятся затормозить процесс именно там, где контроль над ситуацией окажется в их руках. Если следовать этим намерениям, то сепаратный кантон или отделившаяся от страны новая республика, или автономия, освободившаяся от центральной власти, должны будут существовать как новые организационные структуры. Однако может получиться так, что эти права начнут требовать микрорегионы, муниципии или коммуны, графства и т.д. Никто не видит оснований, чтобы какая-то автономия, освободившаяся от центральной власти, в свою очередь централизовала власть в отношении более мелких образований, сколько бы она ни выдвигала в качестве предлога единый язык или общий фольклор, или неоценимую "историческую и культурную общность", поскольку, когда речь идет о взимании налогов и о финансах, фольклор остается только для туризма и дискозаписывающих компаний. В случае если бы муниципиям удалось освободиться от власти автономии, кварталы должны были бы последовать этой же логической схеме, и таким образом эта цепочка должна была бы дойти до соседей, живущих на одной улице с разделительной полосой. Кто-то мог бы тогда сказать: "Почему мы, живущие по эту сторону от разделительной линии должны платить такие же налоги как и те, кто живет по ту сторону. У нас лучше условия жизни, и наши налоги пойдут на решение проблем других людей, которые не хотят напрягаться, чтобы улучшить свою жизнь. Будет лучше, если каждый сам будет решать свои проблемы." Конечно, в каждом доме квартала можно было бы услышать голоса подобного беспокойства, и никто не мог бы остановить этот механический процесс именно в том месте, которое его интересует. Другими словами, невозможно затормозить все в простом процессе средневековой феодализации, порожденном малочисленностью групп населения, их территориальной разобщенностью и нерегулярным обменом с помощью средств связи, контролируемых противоборствующими феодалами или бандами дорожных сборщиков налогов. Эта ситуация не аналогична ситуации, складывающейся в другие времена в области производства, потребления, технологии, коммуникаций, демографической плотности и т.д.

С другой стороны, экономические регионы и общие рынки стремятся поглотить отколовшиеся властные структуры старых государств. В каком-то отдельном регионе автономии могли бы избежать старого национального единства, однако муниципии или группы муниципий также постараются перепрыгнуть через старые административные уровни и потребуют включить их в новую региональную суперструктуру в качестве полноправного участника. Те автономии, муниципии или группы муниципий, которые будут обладать сильным экономическим потенциалом, могут рассчитывать на серьезный подход со стороны регионального образования.

Никто не исключает, что в экономической войне между различными региональными блоками некоторые страны-члены начнут устанавливать "двусторонние и многосторонние" отношения, выходя за пределы регионального рынка, членами которого они являются. Почему бы, например, Англии не установить более тесные отношения с американской НАФТА, получив, таким образом, исключительные права внутри ЕЭС; затем, когда она добьется успехов в бизнесе, кто запретит ей покинуть старый региональный рынок и вступить в новый? И если в Канаде начнется процесс отделения автономий, кто воспрепятствует тому, чтобы Квебек начал осуществлять сделки вне региона НАФТА? В Южной Америке уже не смогут существовать организации типа АЛЖЛК или Андского Пакта, если Колумбия и Чили начнут процесс интеграции своих экономик с целью вхождения в НАФТА в противовес МЕРКОСУР, который будет ослаблен возможными автономными образованиями в Бразилии. Кроме того, если Турция, Алжир и другие пункты Южного Средиземноморья начнут процесс вступления в ЕЭС, исключенные страны будут усиленно

добиваться взаимного сближения, чтобы в качестве объединения сотрудничать с другими географическими зонами. И что произойдет в контексте региональных блоков (контуры которых сейчас вырисовываются) с такими государствами как Китай, Россия и с Восточной Европой, где наблюдаются быстрые центробежные изменения?

Возможно, что события не будут развиваться так, как это показано на приведенных нами примерах, однако тенденция к регионализации может избрать неожиданные пути и привести к схеме, совершенно отличной от той, которая намечается сегодня на основе географического единства и, следовательно, на основе обыкновенного геополитического предрассудка. Так что новый беспорядок может произойти в рамках недавних схем, которые имеют своей задачей создание не только экономического союза, но также политического и военного блока. И поскольку, в конечном счете, крупный капитал сам решает как лучше вести свои дела, никто не может с уверенностью представить себе региональные карты, составленные на основе принципа географической общности, когда шоссе, железные дороги и радиосвязь играли главенствующую роль, и которые сейчас надо переделывать из-за значительного увеличения объема воздушных и морских перевозок и появления международной космической связи. Уже во времена колониализма географическая общность была заменена заморской шашечной доской великих держав, которая была отклонена двумя мировыми конфликтами. Кое-кто считает, что нынешняя реадaptация возвращает проблему к доколониальным временам; это приводит их к мысли, что какой-то экономический регион должен быть организован в пространственном континууме, и на этой основе своему частному национализму они проецируют судьбу регионального "национализма".

Итак, мы говорим, что границы разрушения структур не устанавливаются, в частности, новыми освободившимися странами или автономиями, освободившимися от центральной власти, и что они также не устанавливаются вообще экономическими регионами, организованными в соответствии с принципом географической общности. Минимальные границы разрушения структур доходят до простого соседа и до отдельного человека, а максимальные - до мирового сообщества.

2. Некоторые важные области в феномене разрушения структур

Из множества других возможных областей разрушения структур я хотел бы выделить три; политику, религию и поколения.

Ясно, что партии, находясь у усеченной государственной власти, будут сменять друг друга и вновь появляться в качестве "правых", "центра" и "левых". Уже есть и будет много "сюрпризов", когда подтверждается, что силы, которые считались исчезнувшими, вновь появляются на арене, и что группировки и установки, господствовавшие десятилетия, растворяются в обстановке всеобщего недоверия. Это не является новостью в политической игре. Реально новым является то, что, казалось бы, противоположные тенденции могут не оказать ни малейшего воздействия на процесс разрушения структур, который, несомненно, отразится на этих тенденциях. И если речь идет о позициях, языке и политическом стиле, то мы можем наблюдать всеобщий синкретизм, в котором идеологические профили будут становиться с каждым днем все более расплывчатыми. В обстановке борьбы пустых лозунгов и форм средний гражданин будет уходить от какого-либо участия в общественной жизни, чтобы сконцентрироваться на чем-то осязаемом и близком. Однако разногласия в обществе будут ощущаться во все возрастающей степени в виде стихийных выступлений, актов гражданского неповиновения, беспорядков и стремительно нарастающих психосоциальных явлений. Именно в этих условиях появляется опасность возрождения неоиррационализма, который может занять лидирующие позиции и принять интолерантные формы как знамя борьбы. В этой связи ясно, что если какая-либо центральная власть попытается заглушить

требования о независимости, то это приведет к радикализации позиций сторон, и политические группировки окажутся в родной стихии. Какая партия может остаться безразличной (рискуя потерять свое влияние), если где-то будет применено насилие, мотивированное соображениями территориального, этнического, религиозного или культурного характера? Политические течения должны будут занять соответствующие позиции, как сейчас это происходит в различных районах; Африки (18 конфликтных пунктов); Америки (Бразилия, Канада, Гватемала и Никарагуа, не считая требований туземных общин Эквадора и других стран Южной Америки и без учета обострения расовой проблемы в США); Азии (10 пунктов, в том числе китайско-тибетский, но без учета межкантональных разногласий, которые возникают на всей территории Китая); Южной Азии и Тихого Океана (12 пунктов, включая требования туземных общин Австралии); Западной Европы (16 пунктов); Восточной Европы (4 пункта: Чехия и Словакия, бывшая Югославия, Кипр и бывший СССР, рассматривая каждую эту страну как один пункт, потому что при другом подходе число конфликтных зон может достигнуть цифры 30, если иметь в виду различные страны на Балканах и бывший Советский Союз с этническими и пограничными трудностями, наблюдающимися в более чем 20 отколовшихся республиках, расположенных за пределами Восточной Европы); Ближнего и Среднего Востока (9 пунктов).

Политики должны также откликнуться на радикализацию, которую переживают традиционные религии, и примером которой является борьба, происходящая между мусульманами и индуистами в Индии и Пакистане, между мусульманами и христианами в бывшей Югославии и Ливане, между индуистами и буддистами в Шри-Ланке. Они не должны стоять в стороне от борьбы между сектами в рамках какой-либо религии, как, например, от борьбы, ведущейся в зоне исламского влияния между суннитами и шиитами и в зоне христианского влияния между католиками и протестантами. Они должны принять участие в религиозных преследованиях, начатых на Западе с помощью прессы и установления законов, ограничивающих свободу культа и свободу совести. Очевидно то, что традиционные религии встретят в штыки новые религиозные формы, появляющиеся во всем мире. С точки зрения "добропорядочного" человека, в общем атеиста, но объективно союзника доминирующей секты, преследование новых религиозных групп "является не ограничением свободы мысли, а защитой свободы совести, которой угрожают промыванием мозгов новые культы, которые, помимо всего прочего, покушаются на традиционные ценности, культуры и образ жизни цивилизации". Таким образом, те политики, которые далеки от религиозных тем, начинают принимать участие в этой оргии охоты за ведьмами, поскольку, помимо всего прочего, видят, какую популярность в массах начинают приобретать эти новые проявления веры, имеющие революционную сущность. Они уже не смогут сказать, как в XIX веке; "религия - это опиум для народов", они уже не могут говорить, что массы людей и отдельные индивидуумы находятся в изоляции и в состоянии спячки, когда мусульманские массы требуют установления исламских республик; когда буддизм в Японии (после коллапса национальной религии Синто в конце второй мировой войны) способствует приходу к власти Комэйто; когда католическая церковь старается создать новые политические течения после того, как в Латинской Америке и Африке ослабли позиции социал-христианства и Третьего Мира. Во всяком случае, философы-атеисты новых времен должны поменять термины и в своих выступлениях "опиум для народов" заменить на "допинг для народов".

Руководящие политические деятели должны занять определенную позицию в отношении молодого поколения, которое начинают характеризовать как "группу повышенного риска", поскольку оно подвержено опасным Пристрастиям к наркотикам, насилию и самоизоляции. Эти деятели, настойчиво продолжающие игнорировать глубокие корни таких проблем, не в состоянии дать адекватные ответы посредством своего

политического участия, традиционного культа или предложений упадочной цивилизации, управляемой с помощью денег. Между тем создаются условия, способствующие психическому опустошению всего поколения и появлению новых экономических властей, которые гнусно процветают за счет того, что миллионы психологически заброшенных людей живут в обстановке тревоги и уныния. Многие сейчас задают себе вопрос, чем объясняется рост насилия среди молодежи, как будто не существовали старые поколения и не существует узурпировавшее власть нынешнее поколение, которые добились усовершенствования систематического насилия, используя даже достижения науки и технологии, чтобы сделать свои манипуляции более эффективными. Некоторые говорят о молодежном "аутизме" и о том, что на основе этой посылки можно установить связь между увеличением продолжительности жизни взрослых и необходимым увеличением срока становления молодых людей, чтобы они могли преодолеть порог отставания. Данное объяснение имеет свой резон, но этого недостаточно, чтобы понять более широкие процессы, наблюдаемые сейчас явления объясняются тем, что диалектика поколений, двигатель истории, временно зашла в тупик, и между мирами образовалась пропасть. Здесь уместно вспомнить, что когда десятки лет назад один мыслитель предупредил об этих тенденциях, которые в настоящее время вылились в реальные проблемы, сановники и их создатели общественного мнения лишь рвали на себе одежды, селясь обвинить автора такого заявления в *попытке разжечь* войну между поколениями. В те времена мощная молодежная сила должна была бы проявить себя в новом феномене, однако творческое развитие исторического процесса отклонилось в сторону расплывчатых требований шестидесятых годов и было направлено на организацию безысходных партизанских войн в различных точках мира. Если мы хотим, чтобы сегодня новые поколения приходили со своим отчаянием на музыкальную тусовку и на футбольный стадион, ограничив свои требования майкой и афишей с невинными объявлениями, будут новые проблемы. Такая удушающая обстановка создает абсурдные расслабляющие условия, которые могут быть использованы фашистами, сторонниками авторитаризма и всякого рода насильниками, Не надо сеять семена недоверия по отношению к молодежи и видеть в каждом ребенке потенциального преступника; следует устанавливать диалог. Впрочем, никто не проявляет энтузиазма в отношении того, чтобы новые поколения приняли участие в деятельности средств массовой информации, никто не намерен участвовать в публичных дискуссиях по этим проблемам, за исключением случаев, когда речь идет о "примерных молодых людях", которые с помощью рок-музыки воспроизводят политиканскую тематику или в стиле бойскаутов бросаются очищать от нефти пингвинов, не задавая никаких вопросов крупному капиталу - виновнику экологического бедствия! Очень боюсь, что любая истинно молодежная организация (рабочая, студенческая, артистическая или религиозная) будет подозреваться во всех смертных грехах, если она не будет находиться под покровительством профсоюза, партии, фонда или церкви. После стольких манипуляций кто-то задаст вопрос, почему молодежь не присоединяется к прекрасным предложениям, с которыми выступает существующая власть, и кто-то ответит, что учебные заведения, рабочие места и спортивные сооружения заняты будущими обеспеченными гражданами. В таком случае никого не должно волновать отсутствие "ответственности" у людей, столь обремененных проблемами. Но если безработица продолжает расти, если увольнения становятся хроническими, если повсюду люди брошены на произвол судьбы, то мы увидим, во что выльется наше сегодняшнее бездействие. По различным причинам (войны, голод, безработица, моральная усталость) разрушена структура диалектики поколений, что породило молчание, длящееся два долгих десятилетия, спокойствие, которое сегодня может быть нарушено душераздирающим криком и отчаянным действием.

В связи с вышеизложенным кажется ясным, что никто не сможет рационально управлять процессами, происходящими в разрушающемся мире. Это разрушение трагично,

но одновременно зарождается свет новой цивилизации, мировой цивилизации. Если это так, то должен разрушиться образ коллективного мышления, и в то же время появится новая форма сознания, которая должна охватить мир. По этому вопросу я хотел бы процитировать здесь отрывок из моего первого письма: "... приходят новые времена, и рождается новое восприятие мира, который предстает как некая целостность; а это означает, что трудности, испытываемые людьми, живущими в том или ином месте, рано или поздно затронут других, даже если их разделяют большие расстояния. Средства сообщения, товарообмен и возможность быстрых перемещений огромных масс людей - все это говорит о том, что идет процесс растущего единения мира. Понимание глобальности многих проблем приводит к возникновению новых критериев действия. Усилия людей, заинтересованных в том, чтобы мир стал лучше, будут эффективными лишь в том случае, если они начнут действовать в своем непосредственном окружении, где они имеют какое-то влияние. В отличие от прежних эпох, когда внешнее признание достигалось с помощью трескучих фраз, сегодня ценится скромная осмысленная работа, посредством которой человек старается не возвеличить собственную персону, а измениться и помочь сделать это своему непосредственному окружению: в семье, на работе, во взаимоотношениях с другими людьми. Те, кто действительно любит людей, без лишнего шума берутся за выполнение этой задачи. В то же время ее не поймет оппортунист, сформировавшийся в старом пейзаже лидеров и безликой человеческой массы, пейзаже, который научил его использовать других, для того чтобы подняться на вершину социальной лестницы. Когда человек осознает, что шизофренический индивидуализм не имеет выхода, и начнет открыто общаться со своими знакомыми, делаясь с ними своими мыслями и планами без смехотворного страха оказаться непонятым; когда он приблизится к людям; когда он заинтересуется каждым в отдельности, а не аморфной массой; когда он будет способствовать обмену идеями и реализации совместных планов; когда он ясно заговорит о необходимости приумножить усилия для восстановления разрушенной "социальной ткани"; когда он почувствует, что самый "незначительный" человек обладает более высокими человеческими качествами, чем любой из тех бессердечных людей, кто находится на вершине конъюнктурной лестницы... Когда произойдет все это, значит, в душе человека вновь заговорило его Предназначение, то самое Предназначение, которое продвигало человечество по пути эволюционного развития в лучшие периоды этого пути, то самое Предназначение, которое столь часто искажалось и предавалось забвению, но всегда вновь обреталось на крутых поворотах истории. Вырисовываются контуры не только нового ощущения мира, нового смысла и способа действия, но и новой моральной позиции и новой тактики поведения в жизни".

Сотни тысяч людей во всем мире поддерживают сегодня идеи, воплощенные в *Гуманистическом Документе*. Это - коммунисты-гуманисты, социал-гуманисты, экологи-гуманисты, кто, не отказываясь от своих знамен, делают шаг в направлении будущего. Это те, кто борется за мир, за права человека, за недискриминацию. Это, конечно, атеисты и люди, верящие в человека и его трансцендентность. Все они сообща стремятся к социальной справедливости, к идеалам человеческого братства на основе, которая сочетала бы разнообразие форм, готовность преодолеть все предрассудки и цельную личность, у которой личная жизнь не отделена от борьбы за новый мир.

3. Конкретные действия

До сих пор существуют политические активисты, которых волнует, кто будет премьер-министром, президентом, сенатором или депутатом. Возможно, что они не понимают, до какой степени дошел процесс разрушения структур, и как мало значат упомянутые "иерархии" с точки зрения социальных преобразований, Иногда беспокойство некоторых

мнимых активистов связано с личным положением и желанием найти свое место в сфере политических дел. Во всяком случае, вопрос должен состоять в том, чтобы *понять, как установить приоритетность конфликтов в местах, где человек занимается своими ежедневными житейскими делами, и как организовать соответствующие фронты действия на базе упомянутых конфликтов*. Во всяком случае, должно быть ясно, какие данные-характеристики должны иметь базовые рабочие и студенческие комиссии, центры прямого общения и сети советов по месту жительства; что необходимо сделать, чтобы добиться участия всех минимальных организаций, связанных с работой, спортом, искусством, культурой и народной религиозностью. И здесь целесообразно разъяснить, что когда мы говорим о ближайшем окружении, в которое входят товарищи по работе, родственники и друзья, то мы особо должны упомянуть о *местах*, в которых поддерживаются эти отношения.

Если говорить о территориальном аспекте, то минимальной единицей действия является жилой квартал, где зарождаются все конфликты, хотя их корни, возможно, находятся очень далеко. Центр прямого общения - это пункт по месту жительства, в котором должны обсуждаться все экономические и социальные проблемы, все вопросы, касающиеся здоровья, образования и уровня жизни. С политической точки зрения беспокойство состоит в том, чтобы отдать приоритет жилому кварталу раньше, чем муниципии, или графству, или провинции, или автономии, или стране. И действительно, еще задолго до образования государств существовали группы объединившихся людей, которые, обосновавшись в местах проживания, превратились в соседей. Затем, по мере того как создавались административные суперструктуры, у них отнимали автономию и власть. Эти жители, эти соседи, являются источником законности установления какого-либо строя, и отсюда берут ростки принципы представительности реальной демократии. Муниципия должна находиться в руках общинных единиц и, если это так, не следует ставить задачу замены депутатов и представителей различных уровней, как это происходит при проведении политики, определяемой руководящей верхушкой; эта замена должна быть *результатом* организационной работы социальной базы. Термин "общинная единица" имеет большое значение как для людей, живущих на обширной территории, так и для людей, компактно проживающих в городских кварталах или высотных зданиях. Общинные единицы должны совместно решать вопрос о коммуне, которая в своих решениях не может зависеть от суперструктуры, отдающей приказы. Когда общинные единицы начнут осуществлять муниципальный гуманистический план действий, и эта муниципия или коммуна осуществит свою реальную демократию, "демонстративный эффект" почувствуется далеко за пределами этого бастиона. Речь идет не о необходимости постепенно завоевывать пространство и добраться до всех уголков страны, а о том, чтобы показать на практике, что в каком-то пункте функционирует новая система.

Детальных проблем, связанных с вышеизложенным, очень много, и представляется чрезмерно трудным обсудить их в данном письме.

Шлю Вам с этим последним письмом мой искренний привет.

Сило
15 декабря 1993 г.

Содержание

Предисловие	3
Первое письмо моим друзьям	8
1. Нынешняя ситуация.....	8
2. Альтернатива лучшего мира.....	9
3. Социальная эволюция.....	9
4. Будущие эксперименты.....	10
5. Перемены в мире и отношения между людьми.....	10
6. Сказочка для тех, кто стремится стать руководителем.....	11
7. Изменения в людях.....	12
Второе письмо моим друзьям	14
1. Некоторые мнения относительно нынешних перемен.....	14
2. Индивидуализм, социальное расслоение и концентрация власти в руках меньшинства.....	15
3. Характеристики кризиса.....	16
4. Позитивные факторы перемен.....	18
Третье письмо моим друзьям	19
1. Перемены и кризис.....	19
2. Кризис ориентиров.....	19
3. Кризис в человеческой жизни.....	19
4. Необходимость дать направление собственной жизни.....	19
5. Направление жизни и перемена ситуации.....	19
6. Последовательное поведение.....	20
7. Два принципа.....	20
8. Путь к обществу - через ближайшее окружение.....	21
9. Наше ближайшее окружение.....	21
10. Цельность как направление жизни.....	21
11. Соразмерность действий как путь к достижению цельности.....	22
12. Своевременность действий как путь к достижению цельности.....	22
13. Возрастающая адаптация как путь к достижению цельности.....	23
Четвертое письмо моим друзьям	25
1. Исходные позиции наших идей.....	25
2. Природа, намерения и открытость человека.....	25
3. Социально-историческая открытость человека.....	25
4. Преобразующая деятельность человека.....	27
5. Преодоление боли и страдания как основная жизненная задача.....	27
6. Образ, осмысление, взгляд и пейзаж.....	27
7. Поколения и исторические моменты.....	29
8. Насилие, государство и концепция власти.....	30
9. Процесс развития человечества.....	30

Пятое письмо моим друзьям.....	32
1. Самая важная тема: знать, хочет ли человек жить и в каких условиях.....	32
2. Свобода человека. Главный смысл жизни.....	32
3. Намерение как ориентир деятельности.....	33
4. Что мы делаем со своей жизнью?.....	33
5. Ближайшие интересы и мораль.....	34
6. Принесение в жертву целей взамен на возможность удачи. Некоторые распространённые недостатки.....	35
7. Царство второстепенного.....	36
Шестое письмо моим друзьям.....	38
Документ Гуманистического Движения.....	39
1. Мировой капитал.....	39
2. Формальная демократия и демократия подлинная.....	41
3. Позиция Гуманистов.....	42
4. От наивного Гуманизма к Гуманизму сознательному.....	43
5. Антигуманистический лагерь.....	43
6. фронты Гуманистического действия.....	44
Седьмое письмо моим друзьям.....	45
1. Деструктивный хаос или резолюция.....	45
2. О какой революции мы говорим?.....	46
3. Фронты действия в революционном процессе.....	48
4. Революционный процесс и его направление.....	50
Восьмое письмо моим друзьям.....	51
1. Необходимость нового определения роли Вооружённых Сил.....	51
2. Постоянство факторов агрессии на этапе смягчения напряжённости.....	52
3. Внутренняя безопасность и военная реорганизация.....	52
4. Пересмотр концепций суверенитета и безопасности.....	53
5. Законность и границы действующей власти.....	53
6. Ответственность армии перед политической властью.....	54
7. Перестройка армии.....	55
8 Место армии в революционном процессе.....	56
9. Соображения по поводу армии и Революции.....	57
Девятое письмо моим друзьям.....	58
1. Нарушения Прав Человека.....	58
2. Права Человека, мир и гуманитаризм как предлог для интервенции.....	59
3. Другие Права Человека.....	60
4. Универсальность Прав Человека и культурный тезис.....	61
Десятое письмо моим друзьям.....	64
1 Разрушение структур и его границы.....	64
2. Некоторые важные области в феномене разрушения структур.....	66
3. Конкретные действия.....	69

